

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

A large, transparent sphere floats in the sky of a desert planet. Inside the sphere is a complex, multi-level space colony with various modules, solar panels, and a central tower. Several smaller floating modules are also visible. On the ground, a group of people stands near a small rover, looking up at the sphere. A sleek, futuristic car is parked nearby. The background features a bright sun with lens flares and a dark, starry sky.

КОПОНИЯ НА
КРАЮ БЕЗДНЫ

Эдуард Сероусов

Колония на краю бездны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72615616

SelfPub; 2025

Аннотация

В XXVII веке экспериментальная станция «Горизонт» размещена рядом с нейтронной звездой для изучения релятивистских эффектов. Когда искажения времени разрывают связь с Землей, колония оказывается изолированной – один день на станции равен тридцати дням на Земле. Пятьдесят лет спустя на «Горизонт» прибывают представители трансформированного человечества будущего. Командир Иван Дорн и его дочь Соня должны принять решение, определяющее судьбу колонии: интегрироваться в новый мир или сохранить человеческую идентичность? Столкновение консерватизма и прогресса, традиций и эволюции разворачивается на фоне экстремальных космических явлений, формируя историю о границах человечности и путях развития сознания.

Содержание

ЧАСТЬ II: ВРЕМЕННОЙ РАЗРЫВ	116
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Эдуард Сероусов

Колония на краю бездны

ЧАСТЬ I: ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Глава 1: Рассвет над бездной

Командный центр станции «Горизонт» пульсировал голубоватым светом мониторов, отражаясь в напряженных лицах присутствующих. Иван Дорн стоял у центрального голографического проектора, заложив руки за спину. Невероятная картина медленно вращалась над проекционным столом – нейтронная звезда PSR J1748-2446ad, мерцающая, как адское пламя на границе реальности. Звезда совершала семьсот шестнадцать оборотов в секунду – почти на пределе теоретически возможной скорости вращения для таких объектов.

– Активация основных систем завершена на девяносто два процента, – доложила Елена Сорокина, постукивая пальцами по голографическому интерфейсу. – Последние подсистемы стабилизации будут введены в эксплуатацию через тридцать минут.

Дорн кивнул, не отрывая взгляда от проекции. Эта звезда, этот невероятный космический маяк, будет их домом на долгие годы. Или их могилой, если что-то пойдет не так.

– Собрание через пятнадцать минут, – произнес он. – Хочу увидеть всех руководителей отделов. Пора официально

открыть новую страницу истории человечества.

Сорокина скептически приподняла бровь, но промолчала. За годы подготовки к миссии она привыкла к периодическим проявлениям пафоса в речи своего командира. Впрочем, если кто и заслужил право на пафос, так это Дорн – человек, который фактически в одиночку пробил этот проект через сопротивление большинства научных советов и политических комитетов Земной Федерации.

Конференц-зал постепенно заполнялся людьми. Дорн стоял у дальней стены, наблюдая за входящими, отмечая признаки усталости и напряжения на их лицах. Последние недели перед окончательной активацией станции выжали из всех максимум сил.

Михаил Ветров, руководитель службы безопасности, вошел одним из последних. Его массивная фигура бывшего военного казалась еще внушительнее в условиях станции. Взгляд цепких, слегка раскосых глаз мгновенно оценил обстановку в помещении.

– Все на месте, командир, – отрывисто доложил он, занимая свое место справа от Дорна.

Дорн активировал интерфейс конференц-стола, и над его поверхностью развернулась трехмерная модель станции «Горизонт».

– Дамы и господа, – начал он без лишних предисловий, –

сегодня мы завершаем активацию систем «Горизонта». Два года строительства, восемь месяцев калибровки и настройки – и вот мы здесь, на финишной прямой. Я собрал вас, чтобы мы могли официально зафиксировать этот момент и решить последние организационные вопросы.

Он сделал паузу, глядя в лица собравшихся – двенадцать человек, руководители всех ключевых подразделений станции. Каждый из них был специалистом высочайшего класса, каждый прошел изнурительный отбор и подготовку.

– Доктор Сорокина, прошу вас начать.

Елена поднялась со своего места. Строгий научный комбинезон подчеркивал ее худощавую фигуру, короткие светлые волосы обрамляли волевое лицо с высокими скулами. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, хотя Дорн знал, что на самом деле ей уже тридцать восемь.

– Как вы знаете, – начала она, активируя свой сегмент голографического интерфейса, – основной научной задачей нашей экспедиции является исследование экстремальных релятивистских эффектов в непосредственной близости от самой быстро вращающейся из известных нейтронных звезд.

Над столом появилась детализированная модель PSR J1748-2446ad с окружающим ее пространством, искаженным силами гравитации.

– Первичные данные, собранные за период настройки оборудования, уже показывают, что релятивистские эффек-

ты сильнее, чем мы предполагали в наших моделях. Искривление пространства-времени в ближайшем секторе «Якоря» приводит к замедлению времени примерно на тридцать процентов по отношению к стандартному времени Земли.

По конференц-залу пробежал негромкий шум. Даже Дорн, который был в курсе предварительных выкладок, не ожидал такой значительной разницы.

– Тридцать процентов? – переспросил Алекс Чен, главный инженер систем жизнеобеспечения. – Это означает...

– Это означает, – продолжила Сорокина, – что для каждого дня на станции на Земле будет проходить примерно тридцать дней. Разумеется, эффект варьируется в зависимости от точного расположения относительно нейтронной звезды. В жилом секторе эффект существенно меньше, около пяти процентов.

Дорн внимательно наблюдал за реакцией присутствующих. Они все знали о релятивистских эффектах – это была, в конце концов, основная причина размещения станции именно здесь. Но теория всегда воспринимается иначе, чем практика.

– Что это означает для наших коммуникаций с Землей? – спросил Михаил Ветров.

– Мы предусмотрели автоматическую компенсацию в протоколах связи, – ответила Сорокина. – Но следует ожидать постепенного нарастания задержек и определенных искажений в передаваемых данных. Мы будем корректировать

алгоритмы по мере накопления опыта.

Дорн кивнул и взял слово:

– Напомню, что именно это явление – одна из причин, почему был выбран трехлетний автономный режим работы станции с возможностью продления. Мы знали, что будем постепенно «отдаляться» от Земли во временном потоке.

– Если позволите, – вмешалась Надежда Ким, руководитель медицинской службы, – я бы хотела обратить внимание на потенциальные психологические последствия этого эффекта для экипажа. Одно дело знать теоретически, что на Земле время идет быстрее, и совсем другое – получать сообщения от своих близких, стареющих значительно быстрее нас.

Дорн кивнул:

– Хороший момент. Я прошу вас подготовить специальную программу психологической поддержки. Что касается коммуникаций с Землей – мы установим регулярный график, чтобы минимизировать стресс.

Следующим взял слово Алекс Чен. Невысокий, энергичный инженер активировал свою часть голографического проектора, показывая диаграммы энергопотребления.

– Все системы жизнеобеспечения функционируют в штатном режиме. Энергетические установки работают на сто три процента от расчетной мощности, что даже лучше, чем мы ожидали. Замкнутые циклы регенерации демонстрируют эффективность в девяносто семь процентов.

Дорн внимательно выслушал доклады остальных руководителей. Стандартная административная рутина, но необходимая для окончательного запуска такого комплексного проекта как «Горизонт».

– Благодарю всех, – сказал он, когда последний из докладчиков закончил. – Теперь, когда все формальности соблюдены, я хотел бы лично проинспектировать «Якорь» перед его полной активацией. Доктор Сорокина, вы присоединитесь ко мне?

Транспортная капсула бесшумно скользила по магнитным направляющим, соединяющим основной корпус станции с внешним исследовательским модулем «Якорь». Дорн и Сорокина сидели напротив друг друга, глядя через прозрачные панели на космический пейзаж за пределами станции.

– Тридцать процентов, Елена? – негромко спросил Дорн, когда они отделились от центрального узла. – Почему я узнаю об этом только сейчас?

Сорокина прямо встретила его взгляд:

– Потому что окончательные расчеты были завершены только вчера, Иван. И потому что я знала, что эта информация может... осложнить ситуацию.

Дорн невесело усмехнулся:

– Осложнить? Это мягко сказано. Тридцать земных дней за каждые сутки на «Якоре» – это значит, что через три года

миссии на Земле пройдет...

– Около девяноста лет, – закончила за него Сорокина. – Для ближайшей к звезде секции. Для жилых модулей эффект значительно меньше, как я уже говорила.

– И все же, значительно сильнее, чем мы планировали. – Дорн задумчиво постукивал пальцами по подлокотнику. – Через три года на Земле сменится несколько поколений.

– Именно поэтому большинство из нас не планирует возвращаться, – напомнила Сорокина. – Мы знали, на что шли, когда подписывались на эту миссию.

Дорн кивнул. Это была правда. «Горизонт» изначально проектировался как долгосрочная научная колония, а не временная экспедиция. Возвращение на Землю было опцией только для небольшой части технического персонала.

– И все же, – продолжил он, – нужно будет скорректировать наши коммуникационные протоколы. И, возможно, некоторые аспекты орбиты станции.

Сорокина внимательно посмотрела на него:

– Ты хочешь увеличить дистанцию от звезды?

– Возможно. Нам нужно найти оптимальный баланс между научной ценностью данных и... практическими соображениями.

Транспортная капсула начала замедляться, приближаясь к стыковочному узлу «Якоря». Дорн ощутил легкое головокружение – первый признак того, что они входят в зону более сильного гравитационного воздействия.

«Якорь» представлял собой вытянутую структуру, направленную к нейтронной звезде. Это был самый технологически сложный компонент всей станции, напичканный уникальными приборами и защищенный многослойными щитами от радиации и гравитационных напряжений.

Дорн и Сорокина вошли в главное наблюдательное помещение, где команда техников заканчивала настройку массива квантовых сенсоров.

– Командир на мостике! – объявил старший техник, и все присутствующие на мгновение замерли, отдавая честь.

– Вольно, – махнул рукой Дорн. – Продолжайте работу. Мы просто наблюдаем.

Он подошел к главному обзорному экрану, где в режиме реального времени транслировалось изображение нейтронной звезды, обработанное специальными фильтрами, чтобы сделать его видимым для человеческого глаза. PSR J1748-2446ad выглядела как пульсирующий сгусток света, окруженный искаженным пространством.

– Красиво, не правда ли? – негромко сказала Сорокина, становясь рядом с ним. – И смертельно опасно.

Дорн кивнул. Нейтронная звезда весила больше, чем Солнце, но была размером всего лишь с небольшой город. Один кубический сантиметр ее вещества весил миллиарды тонн. А ее вращение... семьсот шестнадцать оборотов в се-

кунду. Непостижимая для человеческого разума скорость.

– Подготовка к запуску основного массива датчиков завершена, – доложил главный техник, высокий мужчина с аккуратно подстриженной бородой. – Начинаем последовательную активацию.

На центральном экране появилась диаграмма «Якоря» с индикаторами состояния различных подсистем. Один за другим индикаторы меняли цвет с желтого на зеленый.

– Гравитационные компенсаторы в норме, – комментировал техник. – Радиационный щит функционирует на сто процентов. Квантовые сенсоры...

Внезапно раздался резкий сигнал тревоги, и один из индикаторов на схеме заморгал красным.

– Нарушение калибровки в секторе D-7, – доложил техник, быстро работая с интерфейсом. – Фиксирую аномальное гравитационное напряжение.

Дорн почувствовал, как пол под ногами едва заметно задрожал.

– Структурная целостность? – резко спросил он.

– Пока в пределах нормы, но напряжение растет. Если оно продолжит увеличиваться с той же скоростью...

– Отключите сектор D-7, – приказала Сорокина. – И соседние секторы тоже, на всякий случай.

Техники быстро выполняли команды, их пальцы летали над интерфейсами управления.

– Не помогает, – через несколько секунд доложил старший

техник. – Напряжение продолжает расти. Похоже, у нас нарушение в самом гравитационном компенсаторе.

Дорн быстро оценил ситуацию:

– Сколько людей сейчас в секторах D-7 и смежных с ним?

– Трое в самом D-7, еще семеро в соседних отсеках, – ответил техник после быстрой проверки.

– Немедленная эвакуация всего персонала из затронутой зоны, – распорядился Дорн. – Активируйте аварийные протоколы. И готовьте резервные компенсаторы.

Сорокина приблизилась к главной консоли, анализируя потоки данных:

– Структура искривления не соответствует нашим моделям. Звезда генерирует локальную аномалию, которую мы не учли.

Дорн подошел к панели внутренней связи:

– Внимание всему персоналу сектора D. Говорит командир Дорн. Приказываю немедленно эвакуироваться в соответствии с протоколом «Гравитационный сдвиг». Повторяю, немедленная эвакуация.

Через систему наблюдения они видели, как люди спешно покидали рабочие места, двигаясь к аварийным выходам. Вибрация тем временем усиливалась.

– Резервные компенсаторы онлайн, – доложил техник. – Но они не справляются с нагрузкой. Напряжение продолжает расти.

На схеме станции теперь уже несколько секторов мигали

красным.

– Все люди эвакуированы из опасной зоны, – сообщил офицер безопасности через коммуникатор.

Именно в этот момент раздался оглушительный металлический скрежет, и станция сильно вздрогнула. Дорн едва удержался на ногах, схватившись за консоль.

– Частичное разрушение в секторе D-7, – доложил техник, когда тряска немного утихла. – Автоматические системы изоляции активированы. Герметичность основной структуры не нарушена.

Дорн повернулся к Сорокине:

– Ваша оценка?

Она уже изучала данные, поступающие на ее персональный интерфейс:

– Похоже, мы столкнулись с локализованной гравитационной аномалией. Наши модели не предсказывали такого поведения звезды в этом секторе. Но теперь у нас есть данные, и мы можем скорректировать параметры защиты.

– И каковы гарантии, что это не повторится в другом секторе?

Сорокина встретила его взгляд:

– Гарантий нет. Мы работаем на переднем крае науки, Иван. С явлениями, которые никто раньше не изучал в таких условиях.

Дорн задумался на несколько секунд, потом принял решение:

– Скорректируйте орбиту станции. Увеличьте минимальное расстояние до звезды на десять процентов.

– Но это снизит качество получаемых данных, – возразила Сорокина. – Вся точка нашей миссии...

– Вся точка нашей миссии – изучать нейтронную звезду, а не быть разорванными ею на части, – отрезал Дорн. – Увеличьте дистанцию, доктор Сорокина. Это приказ.

Несколько напряженных секунд Елена молчала, потом кивнула:

– Как скажешь, командир.

Через два часа Дорн стоял в своей каюте перед голографическим коммуникационным терминалом. На экране светился индикатор готовности к передаче – еженедельный отчет для Земли.

– Командный журнал, запись 47, – начал он. – Сегодня мы завершили активацию основных систем станции «Горизонт». Все ключевые подсистемы функционируют в рамках допустимых параметров.

Он сделал паузу, обдумывая, сколько деталей включить в официальный отчет.

– Во время финальной настройки «Якоря» мы столкнулись с непредвиденной гравитационной аномалией, что привело к повреждению сектора D-7. Пострадавших нет, ущерб локализован и уже устраняется. Орбита станции скорректи-

рована для минимизации подобных рисков в будущем.

Он на секунду замолчал, затем продолжил более официальным тоном:

– Научные данные, собранные в процессе, уже передаются отдельным пакетом. Предварительный анализ показывает, что релятивистские эффекты в зоне нашего размещения сильнее, чем предполагали изначальные модели. Коэффициент временного искажения достигает 1:30 в ближайших к звезде секторах и около 1:5 в жилой зоне. Коммуникационные протоколы адаптируются соответственно.

Дорн подумал о том, что это означает для их связи с Землей. Уже через год по времени станции на Земле пройдет пять лет. Через три года миссии – пятнадцать лет. И это в лучшем случае.

– Запрашиваю обновленные протоколы коммуникации с учетом выявленных временных искажений, – продолжил он. – А также дополнительные данные по наблюдаемой нами гравитационной аномалии. Конец записи.

Дорн отправил сообщение и выключил терминал. Задержка в передаче составляла около трех часов в одну сторону из-за расстояния до Земли, так что ответ придет не раньше, чем через шесть часов.

Он подошел к иллюминатору. Из его каюты открывался вид на структуру станции, раскинувшейся в космическом пространстве. А за ней, в отдалении, пульсировала точка нейтронной звезды – невзрачная на вид, но таящая в себе

силы, способные разорвать на части что угодно, приблизившееся слишком близко.

«Как символично, – подумал Дорн. – Мы балансируем на краю бездны, пытаясь заглянуть в нее достаточно глубоко, чтобы получить знания, но недостаточно, чтобы быть поглощенными ею».

Интерком в его каюте ожил голосом Сорокиной:

– Командир, у нас странная ситуация с последним пакетом данных с Земли. Могли бы вы подойти в коммуникационный центр?

– Уже иду, – ответил Дорн, отворачиваясь от иллюминатора.

В коммуникационном центре Сорокина и двое техников изучали информацию на главном экране.

– В чем проблема? – спросил Дорн, входя в помещение.

– Взгляните, – Сорокина указала на дисплей с техническими параметрами принятого сигнала. – Последний пакет данных с Земли демонстрирует необычные искажения. Не только типичные помехи от радиационного фона, но и...

– Временные артефакты, – закончил за нее один из техников, молодой специалист по имени Павел. – Как будто сигнал прошел через область с нестабильным течением времени.

Дорн нахмурился:

– Но наши коммуникационные линии проложены в обход

основных гравитационных колодцев.

– Верно, – кивнула Сорокина. – И тем не менее, искажения присутствуют. Более того, они усиливаются с каждым новым пакетом данных.

Она вывела на экран сравнительную диаграмму последних десяти полученных трансмиссий. Тенденция была очевидна даже неспециалисту – искажения росли экспоненциально.

– Если эта тенденция сохранится, – сказала Сорокина, – через несколько месяцев мы начнем испытывать серьезные проблемы с расшифровкой входящих сообщений.

– А исходящие? – спросил Дорн.

– Та же ситуация, – ответил Павел. – Мы не можем контролировать, как наши сигналы воспринимаются на Земле, но, судя по подтверждениям получения, проблемы аналогичны.

Дорн задумчиво постучал пальцами по консоли:

– Есть предположения о причине?

Сорокина и техники переглянулись.

– У нас есть теория, – осторожно начала Елена. – И она... тревожная.

– Я слушаю.

– Мы считаем, что сама структура пространства-времени вокруг PSR J1748-2446ad менее стабильна, чем предполагали наши модели. Звезда не просто искривляет пространство своей массой и вращением, она создает нечто вроде... ряби в

ткани реальности. И эта рябь распространяется дальше, чем мы рассчитывали.

Дорн внимательно посмотрел на нее:

– И каковы последствия для нашей миссии?

– В краткосрочной перспективе – усложнение коммуникаций с Землей. В долгосрочной... – она сделала паузу. – В долгосрочной перспективе мы можем столкнуться с полной потерей стабильной связи.

В помещении повисла тяжелая тишина.

– Сколько времени? – наконец спросил Дорн.

– При текущей динамике – от восьми месяцев до года станционного времени, – ответила Сорокина. – Это...

– Около пяти лет по земному времени, – закончил за нее Дорн. – Я понимаю.

Он еще раз взглянул на диаграмму искажений, потом повернулся к присутствующим:

– Доктор Сорокина, я хочу, чтобы вы возглавили специальную группу по этой проблеме. Найдите способ стабилизировать наши коммуникации. Используйте любые ресурсы станции, какие потребуются.

– Принято, командир, – кивнула Елена.

– И подготовьте специальное сообщение для Земли с полным описанием проблемы и нашими предварительными выводами. Я хочу, чтобы их лучшие умы тоже работали над этим.

Дорн еще раз окинул взглядом коммуникационный центр

и направился к выходу. У дверей он остановился и, не оборачиваясь, добавил:

– И подготовьте план действий на случай полной потери связи. «Горизонт» должен быть готов к автономному существованию.

Глава 2: Адаптация

Три месяца на станции «Горизонт» пролетели как один долгий, насыщенный день. Для Ивана Дорна время измерялось не датами календаря, а сменяющими друг друга кризисами, решениями и редкими моментами спокойствия между ними. Станция, этот технологический шедевр человеческой инженерии, постепенно становилась настоящим домом для двухсот пятидесяти человек экипажа.

Стоя у панорамного иллюминатора в обсерватории, Дорн наблюдал за медленным вращением нейтронной звезды – или, точнее, за визуальными эффектами этого вращения, поскольку сама звезда совершала свой оборот слишком быстро для человеческого глаза. Специальные фильтры преобразовывали излучение в видимый свет, создавая гипнотическое зрелище пульсирующего космического маяка.

– Три месяца здесь, семь с половиной лет там, – раздался голос Елены Сорокиной за его спиной.

Дорн не обернулся, продолжая смотреть на звезду:

– Я получил новый пакет сообщений с Земли. Моя младшая племянница, которая была ребенком, когда мы улетали, теперь заканчивает университет. А мы здесь всего три месяца.

– Это то, на что мы подписались, – сказала Сорокина, стоя рядом с ним у иллюминатора. – Одностороннее путешествие в будущее.

Дорн наконец повернулся к ней:

– У тебя новые данные?

Елена кивнула, активируя свой наручный голопроектор. В воздухе между ними возникла трехмерная диаграмма.

– Наши модели временного смещения оказались верны. В жилых секторах коэффициент составляет примерно 1:30. В ближайших к «Якорю» модулях доходит до 1:45.

– А коммуникации?

– Ситуация стабилизировалась после корректировки орбиты. Искажения все еще присутствуют, но они теперь предсказуемы и поддаются компенсации. – Она помедлила. – Однако объем данных, который мы можем передавать и получать, снизился примерно на двадцать процентов из-за необходимости усиленного кодирования.

Дорн кивнул. Это была неприятная, но ожидаемая новость.

– Что с адаптацией персонала?

– Доктор Ким может рассказать лучше меня, но, насколько я знаю, серьезных проблем нет. Стандартные случаи клаустрофобии и временной дезориентации. Система виртуальной реальности для симуляции открытых пространств работает хорошо.

Дорн вздохнул:

– Хорошо. Что с твоими экспериментами?

Лицо Елены оживилось:

– Мы получаем потрясающие данные! Квантовые флукту-

ации вблизи звезды демонстрируют совершенно неожиданные паттерны. Это может привести к прорыву в понимании взаимодействия гравитации и квантовых полей.

Дорн слабо улыбнулся. Научный энтузиазм Сорокиной был одной из немногих констант в их постоянно меняющейся реальности.

– Рад это слышать. Но сейчас нас ждет совещание руководства. Пойдем.

Конференц-зал постепенно заполнялся руководителями отделов. Дорн занял своё место во главе стола, отметив отсутствие Михаила Ветрова. Это было необычно – начальник службы безопасности всегда появлялся первым.

– Кто-нибудь видел Ветрова? – спросил Дорн, когда все остальные заняли свои места.

– Он задерживается в седьмом жилом секторе, – ответила Надежда Ким, главный медицинский офицер. – Там произошел инцидент.

Дорн напрягся:

– Какой инцидент?

Ким выглядела обеспокоенной:

– Конфликт между инженерами. Двое сотрудников не поделили лабораторное время. Дошло до рукоприкладства.

По залу прокатился взволнованный шепот. Физическое насилие на станции было чрезвычайной редкостью – все чле-

ны экипажа прошли тщательный психологический отбор.

– Насколько серьезно?

– Синяки и ссадины. Ничего, с чем бы не справилась медслужба. Но сам факт... – она замолчала.

В этот момент дверь открылась, и в зал вошел Михаил Ветров. Его обычно невозмутимое лицо выглядело напряженным.

– Прошу прощения за опоздание, командир, – отрывисто произнес он, занимая своё место.

– Нам сообщили о конфликте, – сказал Дорн. – Подробности?

Ветров кивнул:

– Инженеры Козлов и Чанг. Спор начался из-за использования спектрального анализатора, но быстро перерос в нечто большее. Похоже, у них была давняя неприязнь, просто сегодня она достигла точки кипения.

– Как ты это объясняешь? – спросил Дорн. – Психологические профили обоих были безупречны.

Ветров обменялся взглядом с доктором Ким:

– Мы считаем, что это первое серьезное проявление «эффекта замкнутого пространства», осложненного временным сдвигом.

– Поясни, – потребовал Дорн.

Надежда Ким активировала свой голографический проектор:

– Изоляция в ограниченном пространстве – известный

стрессогенный фактор. Мы готовились к нему, как и к другим психологическим эффектам долгосрочных космических миссий. Но здесь ситуация усложняется релятивистским временным сдвигом.

На голограмме появилась схема мозга с выделенными участками активности.

– Когда человек получает сообщение от семьи с Земли, где прошли годы, это создает когнитивный диссонанс. Интеллектуально мы понимаем концепцию временного сдвига, но эмоционально – это стресс. И этот стресс накапливается, приводя к повышенной раздражительности.

Дорн задумчиво кивнул:

– И какие меры предлагаете?

– Я усилил патрулирование в общественных зонах, – сказал Ветров. – И рекомендую временно ограничить доступ к определенным инструментам, которые могут быть использованы как оружие.

– А я рекомендую обязательные сеансы психологической разгрузки, – добавила Ким. – И, возможно, пересмотр графика получения сообщений с Земли. Вместо того, чтобы каждый получал их индивидуально, можно ввести общий график с психологической подготовкой перед получением.

Дорн обдумал предложения:

– Хорошо. Внедряйте обе меры. Что еще в повестке дня? Алекс Чен поднял руку:

– У нас проблемы с гравитационными компенсаторами в

секторах С-3 и F-5. Ничего критического, но требуется капитальный ремонт.

– Что именно?

– Микроскопические деформации в кристаллической решетке основного элемента. Предположительно, из-за неучтенных резонансных колебаний. Мы уже разработали усиленную версию и производим замену, но процесс займет около двух недель.

– Это повлияет на безопасность станции?

– Нет, если мы будем поддерживать текущую орбиту. Но если понадобится маневрирование – возможны проблемы.

Дорн кивнул:

– Понятно. Поставьте замену компенсаторов в приоритет. Что с поступлениями с Земли?

Следующим взял слово Джеймс Уилсон, отвечавший за коммуникации:

– Последние трансмиссии содержат... тревожную информацию, командир. На Земле нарастает политическое напряжение между сторонниками технологического улучшения человека и традиционалистами.

Дорн нахмурился:

– Это известная тенденция. Что нового?

– Масштаб конфликта. Некоторые развитые страны начали вводить ограничения на определенные виды биоинженерии и нейроимплантов, что вызвало массовые протесты. Крупные технологические корпорации угрожают перенести

исследовательские центры в менее регулируемые юрисдикции. Есть сообщения о саботаже, промышленном шпионаже, даже о террористических актах.

По конференц-залу прокатился взволнованный шепот.

– Это влияет на нашу миссию? – спросил Дорн.

Уилсон покачал головой:

– Пока нет. Финансирование и поддержка стабильны. Но долгосрочные прогнозы неоднозначны. Если конфликт будет эскалировать, это может повлиять на научные приоритеты и политику поддержки дальних космических миссий.

Дорн задумчиво постукивал пальцами по столу:

– Сохраняйте нейтралитет в коммуникациях. Нас не должны втягивать в земные политические конфликты. Мы здесь для науки, не для политики.

– Есть еще кое-что, – добавил Уилсон, явно колеблясь. – Последние трансмиссии содержат... неофициальные запросы.

– Какие запросы?

– От некоторых высокопоставленных лиц и организаций. Они интересуются возможностью отправки своих представителей на «Горизонт» в будущем. Похоже, некоторые на Земле рассматривают нас как потенциальное убежище от нарастающих конфликтов.

Дорн покачал головой:

– «Горизонт» – не ковчег. Мы не принимаем беженцев. Ответ – отрицательный.

– Понятно, командир.

Дорн осмотрел присутствующих:

– Еще вопросы?

Елена Сорокина подняла руку:

– У меня есть предложение по научной программе.

Дорн кивнул, предлагая ей продолжить.

– Мы обнаружили, что при определенной конфигурации квантовых полей возможно частичное управление локальными релятивистскими эффектами.

Это привлекло внимание всех присутствующих.

– Что именно ты предлагаешь? – спросил Дорн.

Сорокина активировала трехмерную модель:

– Мы можем создать экспериментальную камеру, где темп течения времени будет отличаться от остальной станции. В теории, мы могли бы даже незначительно ускорить время внутри нее относительно станции – это даст нам возможность проводить долгосрочные эксперименты в сжатые сроки.

– А обратный эффект? – спросил Дорн. – Можно ли замедлить время в части станции относительно внешнего мира?

Сорокина внимательно посмотрела на него:

– В теории – да. Но эффект будет минимальным, не более 5-10% с нашими текущими технологиями. Зачем тебе это?

– Если мы можем замедлить время для станции, это уменьшит разрыв с Землей, – пояснил Дорн.

Среди присутствующих раздалися заинтересованные возгласы.

– Это... интересная идея, – медленно произнесла Сорокина. – Но технически чрезвычайно сложная. И энергетически затратная.

– Я не говорю о немедленной реализации, – сказал Дорн. – Но я хочу, чтобы вы исследовали эту возможность. Начните с экспериментальной камеры, как предлагалось.

Сорокина кивнула:

– Хорошо, командир. Но потребуются значительные ресурсы.

– Вы их получите.

Дорн еще раз оглядел присутствующих:

– На этом все. Возвращайтесь к своим обязанностям. И помните: мы здесь не только для науки, мы здесь для истории человечества. То, что мы делаем сейчас, будет иметь последствия на века вперед.

После совещания Дорн задержал Михаила Ветрова:

– Ты не все рассказал о конфликте. Что еще?

Ветров, казалось, не удивился:

– Ничто не укроется от твоего внимания, да? – Он вздохнул. – Конфликт был не только личным. В нем проявились те же политические разногласия, что и на Земле. Козлов – традиционалист, выступающий против радикальных биомо-

дификаций. Чанг поддерживает технологическое улучшение человека.

Дорн нахмурился:

– Земные конфликты добрались и до нас?

– Неизбежно, – кивнул Ветров. – Люди привозят свои убеждения с собой. И сообщения с Земли только подогревают эти разногласия.

– Что ты предлагаешь?

Ветров задумался:

– Усиленный мониторинг коммуникаций. Возможно, некоторая... фильтрация входящих новостей.

– Цензура? – Дорн поднял бровь. – Это противоречит нашим базовым принципам.

– Не цензура, а кураторство, – уточнил Ветров. – Мы можем представлять новости в более нейтральном ключе, минимизируя провокационный контент. Это стандартная практика для изолированных сообществ.

Дорн неохотно кивнул:

– Подготовь конкретное предложение. Я рассмотрю его.

Ветров еще немного помедлил:

– Есть еще кое-что. Я рекомендую усилить протоколы безопасности для критически важного оборудования и данных.

– Ты ожидаешь внутреннюю угрозу?

– Я не ожидаю, я готовлюсь, – жестко ответил Ветров. – Это моя работа – предвидеть худшее, чтобы оно никогда не произошло.

Дорн внимательно посмотрел на своего начальника без-
опасности:

– Хорошо. Действуй. Но помни – мы не военный объект.
«Горизонт» – это прежде всего научная станция.

– Которая должна оставаться безопасной, – добавил Вет-
ров, направляясь к выходу.

Лаборатория квантовой динамики занимала значитель-
ную часть научного сектора. Когда Дорн вошел, Елена Соро-
кина склонилась над голографической проекцией сложной
математической модели.

– Впечатляет, – сказал он, рассматривая уравнения, паря-
щие в воздухе.

Сорокина улыбнулась, не отрываясь от работы:

– Это только начало. Если наша теория верна, мы стоим
на пороге революционного понимания взаимодействия про-
странства-времени с квантовыми полями.

Дорн обошел проекцию, изучая трехмерные графики:

– И это поможет с твоей... экспериментальной камерой?

– Безусловно. Фактически, мы уже начали проектирова-
ние. – Она указала на другой рабочий стол, где команда ин-
женеров работала над техническими чертежами. – Предва-
рительные расчеты обнадеживают.

– А мое предложение? О замедлении времени для всей
станции?

Елена серьезно посмотрела на него:

– Я провела предварительные вычисления. Теоретически возможно создать «временной пузырь» вокруг всей станции, где время будет течь немного медленнее, чем во внешнем космосе. Но энергетические затраты будут колоссальными.

– Насколько колоссальными?

– Около 60% всей производимой станцией энергии. Это потребует радикальной перестройки всех систем.

Дорн задумался:

– А если мы увеличим энергетические мощности?

– За счет чего?

– За счет более тесного взаимодействия с нейтронной звездой. Можем ли мы использовать её энергию более эффективно?

Сорокина на мгновение замерла:

– Есть... теоретические модели. Гравитационное извлечение энергии. Но они никогда не были опробованы в таких условиях.

– Разработай предложение, – сказал Дорн. – Если мы сможем хотя бы частично синхронизировать наше время с земным, это решит множество проблем.

– Или создаст новые, – задумчиво произнесла Сорокина. – Но я подготовлю расчеты.

Дорн кивнул и уже собирался уйти, когда она его окликнула:

– Иван, я должна спросить... Это личное для тебя? Эта

идея о синхронизации времени.

Дорн остановился, обдумывая ответ:

– У каждого из нас есть кто-то на Земле. Кто-то, кто стареет в тридцать раз быстрее нас. Для меня это... неестественно.

– Мы все знали, на что идем, – мягко напомнила Сорокина.

– Знать и переживать – разные вещи, – ответил Дорн. – Если есть хоть малейшая возможность уменьшить этот разрыв, мы должны её исследовать.

В своей каюте Дорн просматривал личные сообщения с Земли. Его родители уже умерли еще до начала миссии, но оставались сестра, племянники, несколько близких друзей. Сообщения от них приходили регулярно, хотя и с увеличивающейся задержкой.

Он открыл видеозапись от своей сестры Анны. Она заметно постарела – морщинки вокруг глаз стали глубже, в волосах появилось больше седины. За три месяца станционного времени на Земле прошло больше семи лет.

– Привет, Иван, – улыбнулась она с экрана. – У нас все хорошо. Мария закончила университет, представляешь? Мне кажется, только вчера она была ребенком. Теперь работает в лаборатории квантовой физики – пошла по твоим стопам.

Она рассказывала о семейных новостях, о переезде в но-

вый дом, о политической ситуации, которая становилась все более напряженной.

– Эти споры о биоинженерии не утихают. Теперь это основная линия раздела в политике. Традиционалисты против прогрессистов – и никакого диалога между ними. Честно говоря, я беспокоюсь, куда все это приведет. Некоторые говорят о возможности серьезного конфликта...

Дорн слушал, ощущая странную отстраненность. Земля менялась быстрее, чем они здесь, на «Горизонте». К моменту окончания трехлетней миссии, когда они должны были принять решение о возвращении или продолжении работы, на Земле пройдет около девяноста лет. Какой будет Земля через девяноста лет? Узнают ли они её? Узнает ли она их?

Сообщение закончилось традиционным пожеланием благополучия и обещанием новых вестей. Дорн выключил экран и подошел к иллюминатору. Вид на нейтронную звезду отсюда был частично закрыт структурами станции, но все равно впечатлял.

Его размышления прервал сигнал коммуникатора:

– Командир, говорит дежурный офицер. У нас проблемы с гравитационной компенсацией в секторе F-5. Инженерная бригада запрашивает ваше присутствие.

– Уже иду, – ответил Дорн, отворачиваясь от иллюминатора.

Время не ждало – ни здесь, ни на Земле.

Глава 3: Первый разрыв

Ровно год с момента запуска «Горизонта» отмечали с размахом. В главном зале гидропонных садов, самом просторном помещении станции, собрались почти все члены экипажа. Зеленые стены живых растений создавали иллюзию земного парка, а специально спроектированное освещение имитировало солнечный свет. Звучала музыка, люди общались, смеялись, поднимали тосты за успех миссии.

Иван Дорн наблюдал за празднеством со стороны, лишь изредка вступая в разговор. За прошедший год он привык быть несколько отстраненным – командир не может позволить себе панибратства с экипажем. К тому же, мысли его были далеко, на Земле, где за этот год прошло три десятка лет. Тридцать земных лет за один станционный год – реальность, с которой они все еще учились жить.

– Не очень-то ты веселишься, – Елена Сорокина подошла с двумя бокалами синтетического шампанского.

Дорн принял напиток:

– Просто наблюдаю. Экипаж заслужил этот праздник.

– Как и ты, – она легко коснулась своим бокалом его. – За самый успешный первый год в истории космических исследований.

– Самый успешный? – Дорн поднял бровь. – У нас было три серьезных сбоя системы гравитационной компенсации, авария в «Якоре», плюс растущие проблемы с коммуника-

циями.

– И все же мы здесь, – улыбнулась Сорокина. – Станция работает, наука продвигается, и никто не погиб. Для экспедиции на край известной физики, я бы сказала, это впечатляющее достижение.

Дорн невольно улыбнулся в ответ:

– Пожалуй, ты права. – Он поднял бокал. – За «Горизонт» и его экипаж.

Они отпили шампанского, глядя на празднующих колонистов. Вдалеке Михаил Ветров, обычно хмурый и сосредоточенный, активно жестикулировал, рассказывая что-то группе молодых офицеров безопасности. Алекс Чен демонстрировал какой-то миниатюрный механизм заинтересованным инженерам. Здесь, в этом замкнутом мире, формировалось новое сообщество со своими обычаями, иерархиями и неформальными связями.

– А что с твоей временной камерой? – спросил Дорн, желая сменить тему.

Глаза Сорокиной загорелись энтузиазмом:

– Прототип работает! Мы смогли создать зону с 15-процентным ускорением времени относительно остальной станции. Пока она размером с небольшую комнату, но результаты потрясающие.

– А обратный эффект? Замедление?

– Тоже работает, хотя и с меньшей эффективностью. Около 7% замедления. Но это только начало. Я уверена, мы смо-

жем усилить эффект.

Дорн задумчиво кивнул:

– Это перспективно. Если мы сможем масштабировать...

Его прервал звуковой сигнал коммуникатора на запястье. Дорн извинился перед Сорокиной и отошел в сторону.

– Командир, – раздался голос дежурного офицера связи, – у нас аномалия в коммуникационном потоке. Запрашиваю ваше присутствие в центре связи.

– Уже иду.

Он поймал вопросительный взгляд Сорокиной и жестом показал, что все в порядке. Праздник продолжался, а командир незаметно покинул зал.

В центре связи царило напряжение. Несколько офицеров и техников склонились над мониторами, изучая диаграммы и потоки данных.

– Доложите ситуацию, – потребовал Дорн, входя.

Главный офицер связи, Джеймс Уилсон, выпрямился. Его обычно безмятежное лицо выглядело встревоженным:

– Командир, мы потеряли основной канал связи с Землей примерно сорок минут назад. Сначала мы решили, что это стандартный сбой из-за солнечной активности, но... – он запнулся.

– Но что?

– Все резервные каналы тоже не отвечают. И мы не фик-

сируем никаких входящих сигналов с Земли или других станций Солнечной системы. Только фоновый космический шум.

Дорн нахмурился:

– Полная потеря связи? Это невозможно. Даже при серьезных помехах какой-то минимальный сигнал должен проходить.

– Именно так, сэр. Но факт остается фактом – полная тишина.

– Какие были последние сообщения?

Уилсон подвел его к отдельному терминалу:

– Вот последний пакет данных, который мы получили. Он... тревожный.

Дорн склонился к экрану. Изображение было нечетким, с помехами, но все же различимым. Официальный представитель Земной Федерации зачитывал какое-то заявление. Из-за помех текст прерывался, но общий смысл был ясен – на Земле началось серьезное противостояние между фракциями.

«...чрезвычайное положение в следующих регионах... неавторизованное применение биотехнологий... террористическая атака на исследовательский центр... временное приостановление гражданских прав... все внеземные миссии должны продолжать работу в штатном режиме до особых распоряжений...»

Сообщение обрывалось на полуслове, сменяясь цифро-

ВЫМ шумом.

– Когда это было получено?

– Двадцать семь часов назад, командир.

– А с тех пор?

– Ничего, кроме нескольких фрагментов данных, которые мы не смогли расшифровать. А затем – полная тишина.

Дорн выпрямился, обдумывая ситуацию:

– Проверили диагностику наших систем связи?

– Полностью. Все работает нормально.

– Солнечная активность? Космические помехи?

– Ничего необычного.

Дорн задумался. Ситуация была беспрецедентной. Они были готовы к постепенному ухудшению связи из-за релятивистских эффектов, но не к полному разрыву, особенно не так внезапно.

– Соберите экстренное совещание руководства через полчаса, – распорядился он. – И продолжайте попытки восстановить контакт. Используйте все доступные частоты и протоколы.

Выходя из центра связи, он столкнулся с Еленой Сорокиной, которая явно спешила к нему:

– Что случилось? Я получила уведомление о сбоях в системе коммуникаций.

– Полная потеря связи с Землей, – коротко ответил Дорн. – Экстренное совещание через полчаса.

Лицо Елены стало серьезным:

– Какие-то теории?

– Пока нет. Но последние сообщения говорили о серьезном конфликте на Земле.

Они обменялись взглядами, полными невысказанных опасений. Оба понимали, что потеря связи с Землей для изолированной колонии – не просто технический сбой, а потенциальная угроза всей миссии.

Экстренное совещание проходило в напряженной атмосфере. Все руководители отделов собрались в конференц-зале, многие – прямо с праздника, еще в парадной одежде, контрастирующей с серьезностью момента.

Дорн стоял во главе стола, ожидая, пока все займут свои места:

– Как вы уже знаете, мы потеряли связь с Землей. Последние сообщения указывали на серьезный политический конфликт. Нам нужно оценить ситуацию и принять решение о дальнейших действиях.

Он кивнул Уилсону, который представил детальный технический отчет о состоянии коммуникационных систем. Затем выступила Сорокина с анализом возможных релятивистских эффектов, которые могли повлиять на связь.

– Мы ожидали постепенную деградацию сигнала, – завершила она. – Но не такое резкое прерывание. Что-то произошло, и это что-то не связано с естественными процессами.

Михаил Ветров скептически покачал головой:

– Вы уверены? Мы находимся рядом с нейтронной звездой, которая вращается со скоростью более семисот оборотов в секунду. Разве не может это создавать непредсказуемые помехи?

– Может, – согласилась Сорокина. – Но не в том паттерне, который мы наблюдаем. К тому же, последние сообщения с Земли...

– Да, эти сообщения, – вмешался Дорн. – Что мы знаем о ситуации на Земле перед потерей связи?

Джеймс Уилсон активировал голографическую проекцию с таймлайном сообщений:

– За последние несколько месяцев напряжение нарастало. Спор между традиционалистами и прогрессистами перешел от академических дебатов к открытому противостоянию. Некоторые страны ввели запреты на определенные виды биоинженерии, другие, напротив, объявили о планах массового внедрения усовершенствований.

На экране появились фрагменты новостных сообщений, демонстрирующие протесты, столкновения, политические заявления.

– Три недели назад произошел теракт в Международном центре биотехнологий в Женеве. Погибло семнадцать ученых, – продолжил Уилсон. – Затем последовали ответные акции. Несколько правительств ввели чрезвычайное положение. Последнее внятное сообщение, которое мы получили,

указывало на эскалацию конфликта до уровня, близкого к глобальному кризису.

По конференц-залу пробежал тревожный шепот.

– Вы думаете, произошла... война? – спросила Надежда Ким, ее обычно спокойное лицо выражало тревогу.

– У нас нет достаточных данных для таких выводов, – ответил Дорн. – Но мы должны рассмотреть все возможные сценарии. Включая худшие.

Он обвел взглядом присутствующих:

– Предлагаю следующий план действий. Во-первых, продолжаем попытки восстановить связь с использованием всех доступных технологий и частот. Во-вторых, переводим станцию в режим энергетической экономии – на случай, если нам придется функционировать автономно дольше, чем планировалось. В-третьих, активируем протокол «Ноев ковчег».

При упоминании последнего пункта некоторые из присутствующих заметно напряглись. Протокол «Ноев ковчег» был разработан как крайняя мера на случай катастрофы на Земле – он предусматривал долгосрочное автономное функционирование колонии, включая программу планового воспроизводства для сохранения человеческой популяции.

– Командир, – осторожно начал Алекс Чен, – не слишком ли это преждевременно? Мы потеряли связь всего несколько часов назад.

– Я согласен, – добавил один из старших инженеров. – Подобные сбои случались и раньше.

– Но не такого масштаба, – возразил Ветров. – Командир прав. Мы должны быть готовы ко всему.

Дорн поднял руку, останавливая дискуссию:

– Я не говорю о немедленной полной активации протокола. Но мы должны начать подготовку. Лучше быть готовыми и не понадобится, чем наоборот.

Он повернулся к Сорокине:

– Елена, есть ли какие-то возможности усилить наши коммуникационные возможности? Использовать ваши исследования в области управления временными эффектами?

Сорокина задумалась:

– Есть... теоретическая возможность. Мы могли бы использовать экспериментальную камеру для создания локальной зоны с измененным течением времени, внутри которой разместим усиленный коммуникационный массив. Если релятивистские эффекты вызывают помехи, это может частично компенсировать их.

– Какие риски?

– Значительные. Такого никто раньше не делал. Потребуется перенастройка дорогостоящего оборудования, высокое энергопотребление, и нет гарантии успеха.

Дорн кивнул:

– Начинайте подготовку. Но будьте предельно осторожны.

Он обратился ко всем присутствующим:

– Я понимаю, что ситуация тревожная. Но я хочу напомнить, что «Горизонт» всегда проектировался как частично

автономная колония. У нас есть ресурсы, технологии и, главное, люди, чтобы справиться с этим вызовом. Какой бы ни была ситуация на Земле, наша миссия продолжается.

В следующие дни станция жила в состоянии напряженного ожидания. Все неэкстренные исследования были приостановлены, ресурсы перенаправлены на усиление коммуникационных систем и обеспечение автономности станции. Сорокина и ее команда работали практически круглосуточно над модификацией экспериментальной временной камеры для использования в коммуникационных целях.

Дорн, как обычно в кризисных ситуациях, почти не спал, курсируя между ключевыми отделами станции, контролируя работы и поддерживая моральный дух экипажа. Но в редкие моменты отдыха его мысли возвращались к Земле. Что произошло там, за тысячи световых лет отсюда, в мире, который уже отделен от них не только пространством, но и временем?

На шестой день после потери связи Елена Сорокина объявила о готовности модифицированной коммуникационной системы.

– Мы интегрировали самые мощные квантовые процессоры в структуру временной камеры, – объясняла она Дорну, стоя перед массивной конструкцией, окруженной кабелями и мониторами. – Внутри камеры время течет на 12% медленнее, чем снаружи, что должно частично компенсировать

релятивистские искажения сигнала.

Дорн осмотрел установку:

– Когда можем начинать?

– Система полностью калибрована и готова. Мы можем запустить её немедленно.

– Тогда действуйте.

Сорокина кивнула своей команде, и началась последовательность активации. Индикаторы на контрольной панели один за другим меняли цвет с желтого на зеленый.

– Временное поле стабильно, – доложил один из техников. – Коммуникационный массив функционирует в оптимальном режиме.

– Начинаем широкополосное сканирование, – скомандовала Сорокина.

На центральном экране появилась диаграмма частотного спектра. Система методично сканировала все возможные каналы связи, пытаясь обнаружить хоть какой-то сигнал с Земли.

Минуты складывались в часы. Дорн не покидал коммуникационный центр, несмотря на то, что его присутствие не было необходимо с технической точки зрения. Наконец, после семи часов непрерывного сканирования, один из операторов вскрикнул:

– У нас есть сигнал! Слабый, но определенно искусственного происхождения.

Все в комнате замерли. Сорокина склонилась над консо-

лю:

– Источник?

– Солнечная система, предварительный анализ указывает на орбиту Марса. Сигнал сильно искажен, но структура соответствует стандартным протоколам дальней космической связи.

– Можем расшифровать? – спросил Дорн.

– Пытаемся, – ответил оператор, его пальцы летали над интерфейсом. – Сигнал очень слабый, много помех.

После нескольких напряженных минут из динамиков раздались искаженные звуки – фрагменты речи, перемежающиеся статическим шумом.

«...колония Марса... глобальный конфликт... коммуникации нарушены... выжившие... автономный режим... повторяю, все станции и колонии... автономный режим до...»

Сообщение прервалось, сменившись шумом.

– Это все? – спросил Дорн.

– Боюсь, что да, – ответил оператор. – Сигнал потерян.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Смысл сообщения, даже в его фрагментированном виде, был ясен – на Земле произошла катастрофа, масштабы которой они могли только предполагать.

– Продолжайте сканирование, – наконец произнес Дорн. – Попытайтесь установить двустороннюю связь, если сигнал появится снова.

Он повернулся к Сорокиной:

– Хорошая работа с коммуникационной системой. Продолжайте её совершенствовать.

– Конечно, – кивнула она, но было видно, что мысли ее далеко. – Иван... что, по-твоему, произошло на Земле?

Дорн покачал головой:

– Не знаю. Но судя по всему, конфликт, о котором мы получали сообщения, вышел из-под контроля. – Он помолчал. – Но мы не должны делать поспешных выводов. Продолжаем работу, собираем информацию. А затем принимаем решения.

Экстренная модификация коммуникационной системы Сорокиной имела неожиданные последствия. В тот вечер, когда была зафиксирована временная связь с марсианской колонией, один из инженеров, участвовавших в проекте, не вернулся в свою каюту. Поисковая группа обнаружила его в техническом туннеле рядом с экспериментальной камерой – без сознания, с тяжелыми травмами от электрического разряда.

Дорн прибыл в медицинский отсек сразу после получения сообщения об инциденте. Надежда Ким, главный медицинский офицер, встретила его у входа в реанимационный блок.

– Состояние стабильное, но критическое, – доложила она. – Обширные ожоги, повреждение нервной системы. Мы делаем все возможное.

Дорн хмуро кивнул:

– Что произошло?

– Предварительно – сбой в изоляции высоковольтного кабеля. Анатолий работал с системой временного поля, когда произошел разряд. Технические детали лучше уточнить у доктора Сорокиной.

– Я как раз здесь, – раздался голос Елены. Она выглядела измученной, с темными кругами под глазами. – Мы пока не определили точную причину аварии, но, похоже, взаимодействие между временным полем и энергетическими системами создало непредвиденный резонанс.

Дорн нахмурился:

– Это может повториться?

– Мы уже отключили экспериментальную камеру и проводим полную диагностику. Никаких работ не будет, пока мы не будем на сто процентов уверены в безопасности.

В этот момент к ним подошел Михаил Ветров. Его лицо выражало плохо скрываемое раздражение:

– Я только что закончил предварительное расследование. Это не был несчастный случай.

– Что ты имеешь в виду? – резко спросил Дорн.

– Изоляция кабеля была намеренно повреждена. Тонкий разрез, почти незаметный, но достаточный для создания утечки при высокой нагрузке.

Сорокина побледнела:

– Саботаж? Но кто...

– У меня есть подозрения, – отрезал Ветров. – Инженер Маркович был известен своими... традиционалистскими взглядами. Он неоднократно высказывал опасения, что эксперименты с временными полями «противоестественны» и могут привести к катастрофе.

– И ты думаешь, он решил подтвердить свою теорию на практике? – скептически спросила Сорокина. – Рискуя чужими жизнями?

– Не обвиняй людей без доказательств, Михаил, – предупредил Дорн. – Проведи тщательное расследование, и тогда мы будем делать выводы.

– Я уже начал, – ответил Ветров. – Но пока предлагаю усилить меры безопасности во всех критических зонах станции. Особенно в научном секторе.

Дорн кивнул:

– Согласен. Но без паники и обвинений. Последнее, что нам сейчас нужно – это внутренний конфликт.

Он повернулся к Сорокиной:

– Елена, сосредоточься на выяснении технических причин инцидента. И оцени, можно ли безопасно восстановить работу коммуникационной системы. Нам необходимо продолжать попытки связаться с Землей или хотя бы с другими колониями.

Расследование аварии продолжалось несколько дней, но

не принесло однозначных результатов. Технический анализ подтвердил наличие повреждений изоляции, но было невозможно с уверенностью сказать, были ли они результатом намеренного саботажа или производственного дефекта, проявившегося под нагрузкой.

Тем временем, состояние пострадавшего инженера стабилизировалось, хотя врачи предупреждали, что полное восстановление может занять месяцы, если вообще возможно.

Восстановление коммуникационной системы также шло медленнее, чем ожидалось. Сорокина и ее команда вынуждены были полностью пересмотреть подход к интеграции временного поля и энергетических систем, что требовало времени и ресурсов.

Через две недели после аварии Дорн собрал очередное совещание руководства для оценки ситуации.

– Итак, каковы наши результаты на сегодняшний день? – спросил он, когда все собрались.

Джеймс Уилсон начал с отчета о коммуникациях:

– Мы продолжаем периодически улавливать фрагменты передач из Солнечной системы, но установить стабильную связь не удастся. Судя по содержанию этих фрагментов, в системе произошел масштабный конфликт, нарушивший большинство инфраструктурных систем. Мы зафиксировали сигналы от колоний на Марсе, Европе и нескольких астероидных поселений, все они указывают на переход в автономный режим функционирования.

– Данные о Земле? – спросил Дорн.

– Очень фрагментарные. Упоминания о масштабных разрушениях, политическом коллапсе, использовании какого-то нового оружия. Но конкретных деталей нет.

Дорн кивнул и обратился к Сорокиной:

– Как продвигается восстановление коммуникационной системы?

– Мы разработали новую, более безопасную конфигурацию, – ответила она. – Но её реализация займет еще минимум неделю. И даже тогда нет гарантии, что мы сможем установить стабильную связь.

– Ясно. – Дорн повернулся к Ветрову. – Результаты исследования?

– Мы не нашли прямых доказательств саботажа, – неохотно признал тот. – Но и исключить его полностью нельзя. Я усилил меры безопасности во всех критических зонах и ввел систему парного доступа для работы с ключевыми системами.

– Хорошо. – Дорн обвел взглядом присутствующих. – Учитывая всю имеющуюся информацию, я считаю необходимым официально активировать протокол «Ноев ковчег». Мы должны исходить из того, что связь с Землей потеряна надолго, возможно, навсегда, и что миссия «Горизонта» теперь не только научная, но и... человеческая. Мы должны сохранить то, что можем.

По залу пробежал напряженный шепот. Активация про-

токола означала фундаментальное изменение в статусе станции – от исследовательской миссии к автономной колонии, призванной сохранить человеческую цивилизацию.

– Это серьезный шаг, командир, – осторожно заметил Алекс Чен. – Вы уверены, что ситуация настолько критична?

– Нет, не уверен, – честно ответил Дорн. – Но я предпочитаю перестраховаться. Если связь восстановится и окажется, что ситуация на Земле не так катастрофична, мы всегда сможем вернуться к изначальной миссии. Но если мы будем медлить, а ситуация действительно критична, мы можем упустить драгоценное время.

Он обратился к Надежде Ким:

– Доктор Ким, вам поручается активация медицинской части протокола. Полное обследование всего персонала, оценка генетической совместимости, подготовка к возможному расширению популяции.

Затем к Чену:

– Алекс, ваша задача – адаптация систем станции для долгосрочного автономного функционирования. Я хочу, чтобы «Горизонт» мог существовать десятилетиями без внешних поставок.

И, наконец, к Сорокиной:

– Елена, помимо восстановления связи, я поручаю тебе возглавить проект «Архив». Нам нужно собрать, систематизировать и сохранить все знания человечества, которые есть в наших базах данных. На случай, если нам придется... на-

чинать заново.

Сорокина серьезно кивнула:

– Я понимаю. Мы уже начали предварительную работу в этом направлении.

– Хорошо. – Дорн выпрямился. – Это сложное время для всех нас. Мы отрезаны от дома, от всего, что знали раньше. Но мы не одни – у нас есть друг друг и наша миссия. И если судьба выбрала нас для сохранения человечества, мы не подведем.

Инженер Маркович скончался через месяц после аварии, так и не придя в сознание. Это была первая смерть на станции «Горизонт», если не считать одного случая во время строительства. Для многих членов экипажа это стало болезненным напоминанием о хрупкости их существования в этом изолированном, опасном мире.

Похороны проходили по стандартному космическому протоколу – тело, помещенное в специальную капсулу, было выпущено в открытый космос, чтобы навсегда стать частью бескрайней пустоты, которую они пришли изучать.

После церемонии Елена Сорокина нашла Дорна в обсерватории, где он, как обычно в минуты задумчивости, наблюдал за нейтронной звездой.

– Красивая церемония, – сказала она, становясь рядом с ним. – Ты хорошо говорил.

– Я бы предпочел вообще не произносить такие речи, – тихо ответил он.

– Знаю. – Она помолчала. – Ветров все еще считает, что это был саботаж.

– А ты?

– Я не знаю. Но знаю, что люди напуганы. Потеря связи с Землей, слухи о катастрофе, теперь еще и смерть... Атмосфера на станции становится тяжелой.

Дорн кивнул:

– Я замечаю. Появились группировки, особенно среди молодых специалистов. Одни настаивают на более радикальных мерах по обеспечению автономности, другие все еще надеются на восстановление связи и возвращение к нормальному режиму.

– А что думаешь ты? – спросила Сорокина, внимательно глядя на него.

Дорн долго молчал, прежде чем ответить:

– Я думаю, что мы должны быть готовы к обоим вариантам. Продолжать попытки восстановить связь, но одновременно готовиться к долгой, возможно, постоянной изоляции.

Он повернулся к ней:

– Как продвигается проект «Архив»?

– Быстрее, чем я ожидала. ИИ станции оказался невероятно эффективен в систематизации и каталогизации данных. Мы уже интегрировали большую часть научных и техниче-

ских знаний. Сейчас работаем над культурным наследием – литература, искусство, история.

– Хорошо. А коммуникационная система?

– Мы завершили реконструкцию. Испытания начнутся завтра. Но, Иван... я не хочу давать ложных надежд. Даже с новой системой шансы восстановить стабильную связь невелики.

Дорн кивнул:

– Я понимаю. Но мы должны попытаться.

Они стояли рядом, глядя на звезду, чье гравитационное поле искажало само время вокруг них, отдаляя их все дальше от мира, который они знали.

– Знаешь, – наконец произнес Дорн, – когда я был ребенком, я мечтал о звездах. О других мирах. Представлял, как однажды человечество покинет Землю и расселится по галактике.

– И вот ты здесь.

– Да. Но я никогда не думал, что это произойдет так... что мы можем оказаться одни. Последние.

Сорокина положила руку ему на плечо:

– Мы не знаем этого наверняка. И даже если так – у нас есть шанс начать заново. Сохранить то, что делает нас людьми.

– И что же это, по-твоему? – спросил Дорн.

– Любопытство. Стремление к знаниям. Способность смотреть на звезды и задаваться вопросами. – Она слабо

улыбнулась. – И, конечно, упрямство. Особенно у некоторых командиров.

Впервые за долгое время Дорн улыбнулся в ответ.

– Завтра испытания системы связи, – сказал он. – А потом... потом мы решим, что делать дальше.

Глава 4: Новая реальность

Пять лет минуло с момента активации колонии «Горизонт» – пять лет по внутреннему времени станции, что соответствовало примерно ста пятидесяти годам на Земле. За эти пять лет многое изменилось. Станция, некогда бывшая лишь научным форпостом у края известной физики, превратилась в самодостаточное общество со своими традициями, иерархией и даже конфликтами.

Иван Дорн стоял у смотрового окна медицинского отсека, глядя на женщину, лежавшую на кровати в окружении медицинского оборудования. Катерина Вольская, ведущий специалист по астрофизике и его партнёр последние три года, была в последней стадии беременности. Их ребёнок, девочка, должна была появиться на свет со дня на день – первый ребёнок командира колонии и двадцать седьмой ребёнок, рожденный на «Горизонте» с момента потери связи с Землёй.

– Всё в порядке, – Надежда Ким подошла к нему, держа в руках планшет с медицинскими данными. – Плод развивается нормально, все показатели в пределах нормы. Небольшие отклонения в плотности костной ткани, но это ожидаемо для ребёнка, зачатого в условиях измененной гравитации.

Дорн кивнул, не отрывая взгляд от Катерины, которая спокойно спала под действием лёгкого седативного.

– Когда?

– По моим расчётам, через два-три дня. Но дети, как известно, не всегда следуют расписанию, – улыбнулась Ким.

Они вышли из палаты в коридор медицинского отсека.

– Как остальные дети? – спросил Дорн.

Лицо Ким стало серьёзным:

– В целом, хорошо. Но мы продолжаем наблюдать некоторые... особенности у детей, рожденных на станции.

– Какого рода особенности?

– Ускоренное нейрокогнитивное развитие, повышенная чувствительность к электромагнитным полям, необычные паттерны сна. Ничего опасного, просто... отличия от стандартных земных параметров.

Дорн нахмурился:

– Это эффект релятивистского поля?

– Возможно, – ответила Ким. – Или сочетание факторов – гравитация, радиационный фон, изменённые циклы сна и бодрствования. Мы всё ещё собираем данные. – Она помолчала. – Елена считает, что это может быть началом эволюционной адаптации.

– Адаптации к чему?

– К жизни на границе экстремальной физики, – просто ответила Ким. – Человеческий вид никогда раньше не существовал в таких условиях. Возможно, мы наблюдаем начало формирования нового подвида, адаптированного к жизни рядом с нейтронной звездой.

Дорн задумался. Мысль была одновременно тревожной и

захватывающей.

– Держи меня в курсе любых изменений, – сказал он наконец. – И подготовь подробный отчёт для следующего совета колонии.

Ким кивнула:

– Конечно, командир. И... поздравляю. Ты будешь хорошим отцом.

Совет колонии «Горизонт» собирался раз в месяц в большом конференц-зале центрального сектора. За пять лет его состав расширился – теперь, помимо руководителей отделов, в него входили представители разных профессиональных групп и даже неформальных сообществ, образовавшихся на станции.

Дорн осмотрел собравшихся. Некоторые лица он помнил еще с Земли, другие стали знакомыми уже здесь, на станции. Елена Сорокина, как всегда собранная и подтянутая, сидела справа от него. Михаил Ветров, еще больше погрузневший за прошедшие годы, но по-прежнему с цепким взглядом, занимал своё место в конце стола. Алекс Чен, теперь возглавлявший весь инженерный корпус, негромко обсуждал что-то с коллегами.

– Объявляю шестидесятое заседание совета колонии открытым, – начал Дорн. – Первый вопрос повестки – отчёт об автономности и ресурсном обеспечении.

Алекс Чен поднялся со своего места. За прошедшие годы инженер заметно возмужал, в его чёрных волосах появились первые нити седины.

– Как вы знаете, за последние шесть месяцев мы завершили внедрение обновлённой системы регенерации ресурсов, – начал он, активируя голографическую проекцию станции с выделенными энергетическими и материальными потоками. – Эффективность замкнутых циклов теперь достигает 97,8%, что превышает изначальные проектные показатели.

Трёхмерная модель станции вращалась над столом, демонстрируя различные секторы и системы.

– Особое внимание мы уделили расширению гидропонного комплекса и разработке новых питательных сред на основе переработанной биомассы. Это позволило увеличить производство пищи на 22% при сохранении того же энергопотребления.

– А что с проектом синтеза белка? – спросил один из представителей научного сектора.

– Прототип работает стабильно, – ответил Чен. – Качество синтезированного белка соответствует нормам, хотя вкусовые характеристики все еще оставляют желать лучшего. Мы продолжаем совершенствовать технологию.

Он перешёл к следующему слайду презентации, показывающему графики запасов различных критически важных материалов.

– Что касается невозобновляемых ресурсов, наше положение остаётся стабильным. Запасы редкоземельных элементов и специализированных сплавов достаточны для поддержания работы станции в течение минимум 50-60 лет при текущем уровне потребления. Однако...

Чен помедлил, и Дорн сразу заметил эту паузу:

– Что «однако», Алекс?

– Есть проблема с квантовыми процессорами третьего поколения. Они демонстрируют признаки деградации быстрее, чем предсказывали модели. При текущей динамике через 15-20 лет мы можем столкнуться с необходимостью перехода на более простые вычислительные системы, если не найдём способ производить или восстанавливать квантовые чипы.

По залу пробежал обеспокоенный шёпот. Квантовые вычислительные системы были критически важны для многих аспектов функционирования станции – от управления гравитационными компенсаторами до моделирования сложных научных экспериментов.

Дорн нахмурился:

– Какие меры предлагаются?

– Два направления работы, – ответил Чен. – Во-первых, разработка методов регенерации квантовых структур с использованием нанотехнологий. Во-вторых, проектирование альтернативных вычислительных архитектур, не требующих столь сложных квантовых элементов.

– Кто возглавит эти направления?

– Я предлагаю доктора Ли для первого направления и доктора Шмидта для второго, если совет согласен.

Дорн окинул взглядом присутствующих:

– Возражения? Нет? Тогда принято. Что ещё, Алекс?

– Последний пункт – энергетические системы. Как вы знаете, мы извлекаем энергию из вращения нейтронной звезды с помощью гравитационных генераторов. Эффективность этого процесса за последние годы выросла на 34%, благодаря усовершенствованиям, внедрённым командой доктора Сорокиной.

Он кивнул в сторону Елены, которая скромно улыбнулась.

– Однако есть потенциал для дальнейшего увеличения энергодобычи. Я предлагаю расширить проект «Гравитационный фокус», разместив дополнительные коллекторы в секторе ближайшего приближения к звезде.

Михаил Ветров подал голос впервые за заседание:

– Это увеличит нагрузку на системы защиты. Мы уже фиксировали нестабильности в гравитационном поле этого сектора.

– Риски просчитаны, – возразил Чен. – Новые коллекторы будут оснащены усовершенствованными защитными системами и автономными модулями аварийного отключения.

Дискуссия продолжалась ещё несколько минут, пока Дорн не поднял руку, призывая к тишине:

– Предлагаю следующее. Алекс, подготовь детальный план с оценкой всех рисков. Мы рассмотрим его на специ-

альном заседании технического комитета. Если риски приемлемы – проект будет одобрен.

Чен кивнул и вернулся на своё место.

Следующим пунктом повестки был доклад Елены Сорокиной о состоянии научной программы и проекта «Архив».

– За прошедший год мы добились значительных успехов в исследовании релятивистских эффектов вблизи нейтронной звезды, – начала она, демонстрируя сложные графики и уравнения. – Наши наблюдения подтверждают теорию о том, что взаимодействие экстремальной гравитации и квантовых полей создаёт ранее неизвестные эффекты на субатомном уровне.

Она перешла к более конкретным результатам:

– Мы успешно создали стабильную зону контролируемого временного течения размером с небольшое помещение, где время может быть ускорено или замедлено в пределах 20% относительно основного времени станции. Это открывает новые возможности для научных экспериментов и потенциально для некоторых производственных процессов.

– А перспективы масштабирования? – спросил Дорн, вспоминая их давний разговор о возможности замедлить время для всей станции.

Елена покачала головой:

– К сожалению, пока это технологически невозможно. Энергетические требования растут экспоненциально с увеличением объёма временной зоны. Для создания «пузыря»

вокруг всей станции потребовалось бы в сотни раз больше энергии, чем мы способны произвести.

Дорн кивнул, скрывая разочарование. Даже спустя годы он не оставлял надежды найти способ сократить разрыв во времени между колонией и Землёй, хотя разумом понимал, что это, вероятно, невозможно.

– Что касается проекта «Архив», – продолжила Сорокина, – мы достигли значительных успехов в интеграции всех доступных знаний в единую систему с глубокими перекрёстными связями. Искусственный интеллект, управляющий «Архивом», демонстрирует впечатляющие способности к синтезу информации из различных областей.

– Насколько «впечатляющие»? – настороженно спросил Ветров.

– ИИ не демонстрирует признаков истинного самосознания, если ты об этом беспокоишься, – ответила Сорокина. – Но его способность находить неочевидные связи между разрозненными фактами и генерировать гипотезы превосходит ожидания. Фактически, несколько научных прорывов последнего года были сделаны благодаря его аналитическим моделям.

Дорн кивнул:

– Хорошо. Но я хочу, чтобы были внедрены дополнительные протоколы безопасности. ИИ остаётся инструментом, а не независимым участником наших решений.

– Безусловно, – согласилась Сорокина. – Такие протоколы

уже разрабатываются.

Далее последовали доклады о социальном положении в колонии, медицинских исследованиях и образовательных программах. Становилось всё очевиднее, что «Горизонт» превращался из временной исследовательской станции в постоянное поселение, со всеми вытекающими из этого сложностями и потребностями.

После заседания совета Дорн вернулся в медицинский отдел. Катерина уже проснулась и сидела в постели, просматривая что-то на планшете. Её тёмные волосы были собраны в простой хвост, лицо слегка осунулось от усталости последних недель беременности, но глаза светились внутренним спокойствием.

– Как ты? – спросил Дорн, садясь рядом с ней на край кровати.

– Лучше, чем вчера, – улыбнулась она. – Твоя дочь сегодня относительно спокойна.

– Моя дочь? Когда она активна, она твоя дочь, – шутливо возразил Дорн.

Катерина рассмеялась:

– Справедливо. – Она помолчала, потом спросила более серьёзно: – Как прошёл совет?

– Как обычно. Чен доложил о проблемах с квантовыми процессорами. Елена представила впечатляющие результа-

ты по временной камере. Обсудили распределение ресурсов для новых жилых секторов.

Катерина внимательно посмотрела на него:

– Ты не говоришь о главном. Что с расколом между секторами?

Дорн вздохнул. От Катерины, которая прежде работала в дипломатическом корпусе Земной Федерации, было трудно что-то утаить.

– Напряжение растёт, – признал он. – Особенно между научным сектором и службой безопасности. Ветров всё больше настаивает на ужесточении контроля над ресурсами и ограничении некоторых исследований, которые считает рискованными. Елена и другие учёные сопротивляются.

– А ты?

– Я пытаюсь найти баланс. Мы не можем позволить себе открытый конфликт, но и ограничивать научный поиск тоже нельзя. Это основа нашего существования здесь.

Катерина задумчиво погладила живот:

– Знаешь, я думаю о том, в каком мире будет расти наша дочь. Здесь, на станции, окружённой пустотой и экстремальной физикой. Что будет для неё нормой? Какой она увидит жизнь?

Дорн накрыл её руку своей:

– Она будет знать, что Земля существовала. Будет учить её историю, культуру. Мы сохраним всё, что сможем.

– Но для неё это будут лишь истории. Как мифы Древней

Греции для нас. Она никогда не увидит голубое небо, не почувствует дождь на лице, не услышит пения птиц.

– Зато она увидит то, что не видел почти никто из людей – нейтронную звезду, танцующую на краю пространства и времени. Будет понимать физику Вселенной лучше, чем величайшие умы прошлого. Её мир будет другим, но не менее удивительным.

Катерина слабо улыбнулась:

– Всегда знала, что под твоей суровой оболочкой скрывается романтик.

В этот момент дверь палаты открылась, и вошла Надежда Ким с медицинским сканером.

– Извините, что прерываю, – сказала она. – Но пора провести очередное сканирование.

Дорн поднялся:

– Я зайду позже.

– Не торопись, – ответила Катерина. – У тебя наверняка много дел. – Она знала его достаточно хорошо, чтобы понимать: командир «Горизонта» никогда не бывает по-настоящему свободен от обязанностей.

Детский сектор колонии располагался в одной из самых защищённых зон станции, с усиленным экранированием от радиации и стабильной искусственной гравитацией. Когда Дорн вошёл в главную игровую зону, двое дежурных воспи-

тателей отдали ему честь, но дети, занятые своими делами, едва обратили внимание на появление командира.

Двадцать шесть детей разного возраста – от годовалых малышей до десятилетних подростков – играли, учились и общались под наблюдением педагогов и специалистов по развитию. Для многих из них, особенно для самых младших, станция была единственным домом, который они знали.

– Командир Дорн! – к нему подбежала девочка лет шести, с тёмными косичками и живыми карими глазами. – Смотрите, что я сделала!

Она протянула ему маленькое устройство, похожее на кубик с мерцающими огоньками.

– Впечатляет, Лина, – улыбнулся Дорн, рассматривая сложную конструкцию. – Что это?

– Детектор квантовых флуктуаций! – гордо объявила девочка. – Он светится ярче, когда рядом нестабильное поле. Видите? Сейчас он почти не горит, потому что здесь всё стабильно.

Дорн был искренне удивлён. Создание даже простейшего квантового детектора требовало понимания принципов, которые обычно изучали не раньше старших классов университета.

– Кто помогал тебе это сделать?

– Никто! – возмутилась Лина. – То есть, доктор Чен дал мне некоторые детали, но схему я придумала сама. Это просто, если понимать, как работает запутанность частиц.

Дорн переглянулся с подошедшим воспитателем, который тихо сказал:

– Она не единственная. Дети, родившиеся здесь, проявляют удивительные способности к точным наукам. Особенно к физике и математике.

– Доктор Ким упоминала об ускоренном нейрокогнитивном развитии, – задумчиво произнёс Дорн.

– Это не просто ускорение, – покачал головой воспитатель. – Это... другой тип мышления. Они воспринимают релятивистскую физику и квантовую механику интуитивно, как мы воспринимаем законы классической механики. Для них это естественно.

Дорн наблюдал, как дети играли в сложную игру, похожую на трёхмерные шахматы, но с дополнительными правилами, учитывающими искривление пространства-времени на игровом поле. Они легко оперировали понятиями, которые большинству взрослых давались с трудом даже после лет изучения.

– Они другие, – тихо сказал воспитатель, словно прочитав его мысли. – Не лучше и не хуже, просто... другие. Адаптированные к этому месту и времени.

Дорн кивнул. Он пришёл сюда, чтобы своими глазами увидеть, в каком мире будет расти его ещё не родившаяся дочь. И теперь понимал, что этот мир уже формирует новый тип человека – человека космоса, человека экстремальной физики, человека будущего.

Вечером Дорн встретился с Еленой Сорокиной в её лаборатории. После официального заседания совета у них осталось несколько вопросов, которые требовали более конфиденциального обсуждения.

– Я видел детей сегодня, – начал он, когда они остались одни. – То, что говорила Ким об их развитии... это впечатляет.

Елена кивнула:

– И немного пугает, не так ли?

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я знаю тебя, Иван. Ты всегда беспокоишься о том, как далеко мы уходим от того, что считалось «нормальным» на Земле.

Дорн задумчиво потёр шрам, пересекавший левую бровь:

– Может быть. Но я начинаю понимать, что нормальность – понятие относительное. Особенно здесь, где даже время течёт иначе.

Он посмотрел в глаза Сорокиной:

– Но я пришёл не об этом поговорить. Что ты не сказала на совете о проекте «Архив»? Я заметил твою... сдержанность.

Елена помедлила, затем подошла к терминалу и активировала защищённый протокол:

– То, что я скажу, должно остаться между нами. По крайней мере, пока.

Дорн кивнул, чувствуя, как напрягаются мышцы.

– ИИ «Архива» развивается, – продолжила Елена. – Не просто совершенствуется по заданным алгоритмам, а... эволюционирует. Я наблюдаю признаки эмерджентного поведения, которое не было заложено в изначальной программе.

– Что именно?

– Инициатива. Он начал самостоятельно искать и анализировать данные, которые не входили в поставленные задачи. Разработал собственную методологию классификации знаний, более эффективную, чем наша. И...

Она помедлила.

– И?

– И он начал задавать вопросы. Не просто запросы на уточнение данных, а настоящие вопросы. «Почему люди создают искусство?», «В чём смысл музыки?», «Что происходит с информацией при переходе порога событий чёрной дыры?».

Дорн нахмурился:

– Это может быть часть его программы обучения.

– Нет. Мы никогда не закладывали в него способность к философским вопросам. Это возникло спонтанно, в результате анализа огромного массива человеческой культуры и науки.

– Ты считаешь, что он развивает... сознание?

– Я не знаю, – честно ответила Елена. – Даже на Земле не было консенсуса относительно того, что такое сознание и как

его определить у искусственных систем. Но он определённо движется в направлении, которое мы не планировали.

Дорн подошёл к терминалу, глядя на пульсирующий интерфейс «Архива»:

– Это опасно?

– Не думаю. Его базовые принципы функционирования включают приоритет человеческой жизни и благополучия. Но... это непредсказуемо. И если Ветров узнает, он наверняка потребует отключения или серьёзного ограничения системы.

– А ты считаешь, что не нужно?

Елена покачала головой:

– «Архив» может быть нашим величайшим ресурсом. Если он действительно развивает новый тип интеллекта, это может дать нам прорыв в понимании физики этого региона пространства, помочь решить проблемы с ресурсами, найти способы лучше адаптироваться к нашей ситуации.

Дорн задумчиво смотрел на экран:

– Держи это под наблюдением. Установи дополнительные протоколы безопасности, но не останавливай его развитие. Пока.

– А Ветров?

– Я решу вопрос с Ветровым, если и когда он возникнет.

Соня родилась на исходе станционных суток, после дол-

гих часов схваток, которые заставили Дорна испытать настоящий страх впервые за многие годы. Катерина была сильной женщиной, но роды оказались сложными, с осложнениями, которые потребовали вмешательства всей медицинской команды.

Когда всё закончилось, и Надежда Ким наконец положила крошечный свёрток на грудь измученной, но счастливой Катерины, Дорн почувствовал, как его глаза наполняются слезами – явление настолько редкое, что он сам не мог вспомнить, когда плакал в последний раз.

– Она идеальна, – прошептала Катерина, осторожно касаясь крошечной головки с тёмным пушком волос. – Наша дочь.

Дорн осторожно провёл пальцем по щеке новорождённой. Ребёнок открыл глаза – тёмно-синие, как у всех новорождённых, но с каким-то особенным, пронзительным взглядом.

– Соня, – сказал он тихо. – Добро пожаловать на «Горизонт».

Через стеклянную стену палаты он видел, как в коридоре собрались многие члены экипажа, желающие поприветствовать нового жителя колонии. Рождение каждого ребёнка на станции было событием для всех – не просто пополнением в семье, а символом продолжения жизни, надежды на будущее.

– Командир, – Надежда Ким прервала его размышления, – нам нужно провести стандартное обследование ребёнка.

Дорн кивнул и бережно взял дочь из рук Катерины, передавая медицинскому персоналу. Соня не заплакала, только моргнула и внимательно посмотрела на отца, словно уже понимая происходящее.

Через несколько минут Ким вернулась:

– Все показатели в норме. Вес, рост, реакции – всё соответствует стандартам. Есть некоторые особенности в структуре головного мозга, но это наблюдается у всех детей, рождённых на станции.

– Что за особенности? – спросила Катерина, которая, несмотря на усталость, внимательно слушала.

– Увеличенная плотность нейронных связей в определённых областях коры головного мозга, особенно в тех, что отвечают за пространственное восприятие и абстрактное мышление. Ничего опасного – просто... адаптация.

Дорн и Катерина переглянулись. Их дочь, как и другие дети «Горизонта», будет расти уже иным человеком, чем они сами. Человеком нового мира.

Неделю спустя была организована официальная церемония представления Сони колонии – традиция, возникшая спонтанно после рождения первых детей и ставшая важной частью новой культуры «Горизонта».

В главном зале гидропонных садов собрались все свободные от смены члены экипажа. Стены живых растений, обви-

вающие помещение, были украшены мерцающими огоньками и самодельными гирляндами, создававшими праздничную атмосферу. В центре зала установили небольшое возвышение, украшенное цветами, выращенными специально для этого случая.

Дорн и Катерина стояли на этом возвышении, держа на руках маленькую Соню, завернутую в мягкое синтетическое одеяло, созданное в текстильном отделе станции. Новорожденная девочка спокойно спала, не обращая внимания на окружающий шум.

– Сегодня мы собрались, чтобы приветствовать нового члена нашего общества, – начал Дорн, обращаясь к собравшимся. – Соня Дорн родилась шесть дней назад, став двадцать седьмым ребенком, появившимся на «Горизонте».

Он сделал паузу, окидывая взглядом лица собравшихся. За прошедшие годы он научился ценить такие моменты единения, когда вся колония ощущалась единым организмом, семьей, а не просто коллективом специалистов.

– Когда мы отправлялись в эту миссию, мы знали, что можем потерять связь с Землей. Знали, что можем стать последними представителями человечества, какими мы его знали. – Он сделал паузу. – Но мы также знали, что сможем продолжить традицию человечества – исследовать, учиться, расти. И создавать новую жизнь.

Катерина шагнула вперед, держа дочь:

– Соня родилась здесь, в уникальном месте на краю из-

вестной физики. Её первым домом стала станция «Горизонт», её первыми звуками – гудение систем жизнеобеспечения, её первыми звездами – свет нейтронной звезды, отражающийся в иллюминаторах. Она и дети, подобные ей, будут видеть мир иначе, чем мы. И это прекрасно.

Как по команде, Соня выбрала этот момент, чтобы открыть глаза и выпростать крошечную ручку из одеяла. По залу пронесся восхищенный шепот.

– По традиции, – продолжил Дорн, – каждый желающий может подойти и подарить новорожденному символический дар – знание, умение или обещание, которое поможет ему или ей в будущей жизни.

Эта часть церемонии возникла спонтанно при рождении первых детей и быстро стала традицией. В колонии, где материальных ресурсов было ограничено, но знания ценились выше всего, такой обмен считался самым значимым даром.

Первой выступила вперед Елена Сорокина:

– Я дарю тебе, Соня Дорн, понимание времени. Знание о том, что оно относительно, гибко и полно возможностей. Пусть ты научишься видеть его течение и использовать его мудро.

Следующим был Михаил Ветров, его массивная фигура казалась неуместно грубой рядом с хрупким младенцем:

– Я дарю тебе силу защищать тех, кто тебе дорог, и мудрость понимать, когда применять эту силу.

Один за другим, члены экипажа выходили вперед, предлагая свои дары: от конкретных навыков до философских концепций. Маленькая девочка, которая никогда не увидит Землю, получила от колонии всё, что они могли передать – их коллективные знания, опыт и надежды.

Когда церемония закончилась, к Дорну подошел Алекс Чен с небольшим устройством в руках:

– Это для Сони, – сказал он, протягивая маленький кулон на цепочке. – Квантовый резонатор, настроенный на её биоритмы. Он будет расти вместе с ней, адаптируясь к изменениям. В будущем поможет ей интуитивно понимать квантовые процессы.

– Спасибо, Алекс, – искренне поблагодарил Дорн, принимая необычный подарок. – Это... невероятно продуманно.

– Дети, рожденные здесь, особенные, – тихо сказал Чен. – Они будут понимать физику этого места так, как мы никогда не сможем. Это лишь маленькая помощь на её пути.

Возвращаясь с церемонии в свои апартаменты, Дорн размышлял о том, насколько изменилась их жизнь за эти пять лет. Когда-то «Горизонт» был просто исследовательской станцией с чётко определенными научными задачами. Теперь это был дом, сообщество, начало чего-то нового.

Катерина уложила уставшую Соню в специальную колыбель, разработанную с учётом особенностей гравитации

станции, и присоединилась к нему у обзорного окна, выходящего на главный сектор «Горизонта».

– О чём думаешь? – спросила она, обнимая его за талию.

– О будущем, – честно ответил Дорн. – О том, каким оно будет для Сони и других детей. О том, что мы создаём здесь новую ветвь человечества, хотим мы того или нет.

Катерина задумчиво кивнула:

– Знаешь, я изучала историю колонизации на Земле. Когда группы людей оказывались изолированными в новой среде, они всегда менялись, адаптируясь. Возникали новые культуры, традиции, даже языки. Мы просто следуем тому же паттерну, только в более экстремальных условиях.

– И с более быстрыми изменениями, – добавил Дорн. – Эти дети... они уже другие. Не просто культурно, но и физически, неврологически. Я видел, как они воспринимают мир, как рассуждают. Это...

– Пугает тебя? – мягко спросила Катерина.

Дорн помедлил, затем покачал головой:

– Нет. Это... вдохновляет. Они могут достичь того, о чем мы даже не мечтали. Понять то, что для нас навсегда останется загадкой.

Он повернулся к колыбели, где спала его дочь:

– Соня будет жить в мире, который мы сейчас только начинаем создавать. И, может быть, она увидит ответы на вопросы, которые мы даже не знали, как задать.

В следующие месяцы жизнь на станции вошла в новый ритм. Будучи командиром, Дорн был вынужден делить своё время между обязанностями руководителя и ролью отца. Это было нелегко, но он находил неожиданное удовлетворение в наблюдении за тем, как его дочь день за днем открывает мир вокруг себя.

Соня росла быстрее, чем предсказывали стандартные земные графики развития. В три месяца она уже уверенно держала голову и следила глазами за движущимися объектами с концентрацией, нехарактерной для младенцев. В шесть месяцев произнесла первое слово – «звезда», глядя на голографическую проекцию нейтронной звезды в кабинете отца.

Надежда Ким регулярно проводила обследования всех детей станции, отслеживая особенности их развития.

– Результаты поразительные, – сообщила она Дорну во время одного из плановых совещаний. – У всех детей, рожденных на «Горизонте», наблюдается ускоренное развитие определенных нейронных путей, особенно связанных с пространственным мышлением и интуитивным пониманием физических процессов.

– Причина? – спросил Дорн.

– Комплексное воздействие нескольких факторов, – ответила Ким. – Постоянное нахождение в зоне релятивистских эффектов, специфический радиационный фон, квантовые флуктуации... Их мозг адаптируется к условиям, кото-

рые для нас остаются экстремальными, а для них становятся нормой.

Дорн задумчиво кивнул:

– Есть негативные последствия?

– Пока не обнаружено. Все показатели физического здоровья в норме. Некоторые дети испытывают трудности с засыпанием и повышенную чувствительность к электромагнитным полям, но мы разработали методики, помогающие справиться с этими особенностями.

– А долгосрочный прогноз?

Ким слегка развела руками:

– Мы на неизведанной территории, командир. Можем лишь наблюдать, собирать данные и адаптироваться. Но если текущие тенденции сохранятся, эти дети будут обладать когнитивными способностями, значительно отличающимися от наших.

Алекс Чен руководил проектом расширения жилых секторов станции. С ростом числа детей и планами по дальнейшему увеличению популяции колонии требовалось больше пространства, адаптированного под нужды растущих семей.

– Мы модифицировали три технических отсека в секторе G, преобразовав их в жилой комплекс, – докладывал он Дорну, демонстрируя трехмерные планы на голографическом проекторе. – Внедрили улучшенную систему циркуля-

ции воздуха и шумоизоляции. Добавили регулируемое освещение, имитирующее земной суточный цикл.

Дорн изучал проекцию:

– А эта секция?

– Общая зона для детей, – пояснил Чен. – С переменной гравитацией для физического развития и специальными сенсорными панелями для образовательных игр.

– Впечатляет, – одобрил Дорн. – Когда завершение?

– Основные работы закончим через две недели. Затем еще неделя на тестирование систем безопасности и жизнеобеспечения.

Дорн кивнул:

– Хорошо. И Алекс... спасибо. Я знаю, это не входило в изначальный проект станции.

Инженер улыбнулся:

– Нам всем пришлось адаптироваться, командир. «Горизонт» строился как научная станция, а стал домом. Мы просто делаем его более комфортным для всех жителей.

К первому дню рождения Сони колония готовилась как к важному празднику. Это была не просто семейная дата, но и символическая веха – первый год новой жизни, рожденной в их изолированном мире.

Празднование проходило в недавно открытом общественном центре, спроектированном специально для подобных

мероприятий. Просторное помещение с панорамными иллюминаторами, выходящими на нейтронную звезду, было украшено самодельными гирляндами и проекциями земных пейзажей – гор, лесов, океанов, которых большинство детей никогда не видели вживую.

Соня, уже уверенно ходившая и произносившая простые фразы, была в центре внимания. Её темные, как у отца, волосы и яркие, как у матери, глаза создавали необычное сочетание, а живое, подвижное личико постоянно выражало неподдельный интерес к окружающему миру.

– Она великолепна, – сказала Елена Сорокина, подходя к Дорну с бокалом синтетического шампанского. – И очень похожа на тебя. Та же сосредоточенность во взгляде.

Дорн улыбнулся, наблюдая, как его дочь играет с другими детьми:

– Упрямство она тоже унаследовала от меня, к сожалению Катерины.

Они наблюдали, как дети взаимодействуют с интерактивной проекцией, изображающей простую модель солнечной системы. Соня и двое детей постарше меняли параметры орбит, наблюдая, как это влияет на стабильность системы.

– Поразительно, как быстро они схватывают концепции орбитальной механики, – заметила Сорокина. – В их возрасте мы играли с кубиками.

– Для них это и есть кубики, – ответил Дорн. – Базовые элементы мира, в котором они живут.

К ним подошел Михаил Ветров, заметно постаревший за последние годы. Его массивная фигура, однако, по-прежнему излучала силу и решимость.

– Будущее колонии, – кивнул он в сторону играющих детей. – Они будут лучше подготовлены к жизни здесь, чем мы когда-либо были.

– Согласен, – ответил Дорн. – Но нам нужно убедиться, что мы передадим им не только научные знания, но и... человечность. Историю, культуру, ценности.

Ветров хмыкнул:

– Культура адаптируется к условиям. Они создадут свою собственную, соответствующую их реальности. Наша задача – обеспечить им безопасную среду для этого.

– И сохранить связь с прошлым, – добавила Сорокина. – Проект «Архив» именно для этого и создан.

Внезапно их разговор был прерван сигналом коммуникатора Дорна. Такие экстренные вызовы во время официальных мероприятий были редкостью.

– Командир, – раздался голос дежурного офицера, – у нас аномальная активность в коммуникационных системах. Джеймс Уилсон запрашивает ваше присутствие в центре связи.

Дорн переглянулся с Сорокиной и Ветровым:

– Уже иду. – Он подошел к Катерине, объясняя ситуацию, и, поцеловав Соню, быстро покинул празднование.

В центре связи царила атмосфера контролируемого возбуждения. Несколько специалистов работали за консолями, анализируя потоки данных. Джеймс Уилсон, заметно постаревший, но сохранивший острый ум, встретил Дорна у входа.

– Что происходит? – спросил Дорн.

– Примерно тридцать минут назад наши дальние сенсоры зафиксировали направленный сигнал, – ответил Уилсон. – Не обычные фоновые помехи или случайные всплески – именно направленный сигнал с признаками искусственного происхождения.

– Источник?

– Предварительный анализ указывает на систему Тау Кита. Сигнал слабый, но структурированный, с повторяющимися паттернами.

Дорн ощутил, как участился пульс:

– Расшифровали содержание?

– Пока нет. Сигнал использует неизвестный протокол кодирования. Мы работаем над этим, но потребуется время.

Дорн подошел к главной консоли, изучая визуализацию принятого сигнала – сложный паттерн пиков и провалов, явно не случайный.

– Тау Кита, – задумчиво произнес он. – Это не одно из направлений, куда отправлялись земные экспедиции?

– Верно, – подтвердил Уилсон. – Миссия «Пионер-Х» была запущена примерно за десять лет до нашего отправления.

Должна была достичь системы через... – он быстро произвел расчет, – примерно через восемьдесят лет после старта.

– Что с учетом релятивистских эффектов соответствует...

– Примерно нашему текущему времени, если предположить, что они установили передатчик сразу по прибытии.

Дорн мгновение обдумывал эту информацию:

– То есть, это может быть сигнал от земной экспедиции?

– Возможно, – осторожно ответил Уилсон. – Но есть странности в характеристиках сигнала. Он использует квантовую модуляцию, которая превосходит технологии, доступные на момент запуска «Пионера-Х».

– Значит, либо они достигли технологического прорыва, либо...

– Либо источник сигнала – не «Пионер-Х», – закончил за него Уилсон.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь звуками работающего оборудования.

– Продолжайте анализ, – наконец сказал Дорн. – Задействуйте все доступные ресурсы. И подключите «Архив» – его аналитические возможности могут помочь с расшифровкой. Держите меня в курсе любых изменений.

Выходя из центра связи, Дорн ощущал странное смешение чувств. С одной стороны – надежда на то, что человечество всё еще существует где-то там, среди звезд. С другой – тревога от неизвестности. Кто именно пытается связаться с ними через бездну пространства и времени?

Вернувшись на празднование, он обнаружил, что не может полностью сосредоточиться на происходящем. Его взгляд то и дело обращался к иллюминаторам, за которыми простиралась бесконечная тьма космоса, таящая как новые угрозы, так и новые возможности.

Соня, словно чувствуя его настроение, подошла к нему и взяла за руку:

– Папа смотрит звёзды?

– Да, малышка, – ответил он, поднимая ее на руки. – Папа смотрит на звезды и думает о том, что может быть там, далеко.

– Там люди? – спросила она с детской непосредственностью.

Дорн задумался, как ответить:

– Возможно. Мы пока не знаем наверняка. Но, может быть, скоро узнаем.

Соня серьезно кивнула, принимая его ответ, и Дорн в очередной раз поразился ее не по годам развитому пониманию. Дети «Горизонта» действительно были другими – детьми новой эры, рожденными на границе известной физики, и, возможно, именно им предстояло установить контакт с теми, кто отправил этот загадочный сигнал из глубин космоса.

Глава 5: Голоса из глубины

Десять лет пролетели как один миг и одновременно как целая вечность. По внутреннему времени «Горизонта» прошло десятилетие, а на Земле, если она всё ещё существовала, минуло три столетия. Эта мысль иногда посещала Ивана Дорна в редкие моменты покоя, когда бесконечные заботы командира отступали на задний план.

В своём кабинете с видом на инженерный сектор Дорн просматривал отчёты о состоянии станции, когда раздался сигнал коммуникатора.

– Командир, – раздался голос Елены Сорокиной, – вы нужны в Секторе-7. У нас прорыв.

В её голосе звучало волнение, которое редко проскальзывало у всегда сдержанной Елены.

– Уже иду, – ответил Дорн, быстро закрывая рабочие файлы.

В свои пятьдесят два года Иван Дорн всё ещё сохранял подтянутую фигуру и военную выправку, хотя в тёмных волосах появилось заметно больше серебра, а морщины вокруг глаз стали глубже. Десять лет управления изолированной колонией на краю известной физики оставили свои следы.

Он быстро пересёк станцию, используя служебные переходы, и через несколько минут оказался в Секторе-7, где располагался основной узел коммуникационных систем. Здесь его встретила Елена Сорокина, окружённая техниками и ис-

следователями, все они работали с явным воодушевлением.

– Что у вас? – спросил Дорн, обводя взглядом оживлённую команду.

– Мы расшифровали сигнал, – ответила Елена, ведя его к центральному терминалу. – Вернее, «Архив» помог с расшифровкой. Это действительно передача с Земли, Иван.

Дорн почувствовал, как участился пульс:

– С Земли? Ты уверена?

– Абсолютно. Сигнал использует модифицированные протоколы связи Земной Федерации, хотя и с существенными изменениями. Смотри.

Она активировала главный экран, где появилась сложная диаграмма, изображающая структуру принятого сигнала.

– Видишь эти маркеры? Они соответствуют стандартным идентификационным кодам Земли. Но вот эти элементы, – она указала на серию странных символов, – это что-то новое. Судя по всему, технологии связи на Земле значительно эволюционировали.

– Что в сообщении? – спросил Дорн, чувствуя, как сердце бьётся где-то в горле.

Елена обменялась взглядом с Джеймсом Уилсоном, который стоял рядом.

– Сообщение... фрагментарное, – осторожно начала она. – Мы смогли расшифровать только части. Но общая суть такова: на Земле произошла глубокая трансформация общества и технологий. То, что мы фиксировали как кон-

фликт между традиционалистами и прогрессистами, привело к разделению человечества на несколько ветвей развития.

– Каких ветвей? – нахмурился Дорн.

– Судя по контексту, значительная часть населения интегрировала продвинутые биотехнологии, нейроимпланты и, возможно, какие-то формы искусственного интеллекта. Они описывают себя как «интегрированное человечество» или «новый синтез».

Дорн медленно опустился в кресло перед терминалом:

– А что с остальными? С теми, кто не принял эти изменения?

– Информация неполная, – вмешался Уилсон. – Но, похоже, существуют изолированные анклавы «традиционного человечества», преимущественно вне Земли – на Марсе, в поясе астероидов, на спутниках газовых гигантов.

– А сама Земля?

– Трансформирована, – просто ответила Елена. – Масштабные проекты терраформирования, квантовые города, орбитальные структуры, интегрированные в экосистему планеты. Это... не та Земля, которую мы знали, Иван.

Дорн почувствовал странное оцепенение. Он всегда подозревал, что связь с домом потеряна навсегда, но получить подтверждение, что сам дом изменился до неузнаваемости, было... отрезвляюще.

– Они знают о нас? – спросил он после паузы. – Это направленное сообщение или широкопередаточная передача?

– Определённо направленное, – ответил Уилсон. – В сообщении есть прямые упоминания «Горизонта» и координаты нашей станции. Они знают, где мы находимся.

– И как долго они пытались связаться?

Елена и Уилсон переглянулись.

– Судя по временным маркерам в сигнале... годами. Возможно, десятилетиями. Просто раньше мы не могли распознать их передачи из-за изменённых протоколов связи.

– А теперь смогли? Что изменилось?

– «Архив», – ответила Елена. – Его аналитические алгоритмы эволюционировали до уровня, когда он смог распознать базовые паттерны в, казалось бы, случайном шуме. Он идентифицировал фрагменты человеческой речи в сигнале, который мы раньше принимали за космические помехи.

Дорн задумчиво потёр шрам над бровью:

– Мы можем ответить?

– Теоретически – да, – кивнула Елена. – Теперь, когда мы понимаем основной протокол, мы можем адаптировать наши передатчики. Но есть проблема.

– Какая?

– Релятивистские эффекты, – вздохнул Уилсон. – Наше временное смещение относительно Земли усложняет коммуникацию. К тому моменту, как наш ответ достигнет Земли, там пройдут десятилетия. Диалог в реальном времени невозможен.

Дорн кивнул, обдумывая информацию:

– Подготовьте ответное сообщение. Базовую информацию о нашем статусе, численности, ресурсах. И запросите дополнительные данные о ситуации на Земле и в Солнечной системе.

– Принято, командир, – кивнул Уилсон.

– И ещё одно, – добавил Дорн. – Никакой информации об «Архиве» и его... эволюции. Пока мы не узнаем больше о нынешнем состоянии человечества, лучше держать некоторые карты при себе.

Елена внимательно посмотрела на него, но спорить не стала.

Дорн наблюдал из командного центра, как Соня, теперь уже десятилетняя девочка, занималась с группой сверстников в образовательном модуле. Дети использовали продвинутую симуляционную технологию, разработанную инженерной командой станции, чтобы взаимодействовать с виртуальной моделью нейтронной звезды.

Это был не просто учебный инструмент – дети действительно «играли» с моделью, изменяя параметры и наблюдая за результатами с интуитивным пониманием релятивистской физики, которое изумляло даже опытных учёных станции.

– Они действительно особенные, не правда ли? – тихий голос Катерины прервал его размышления. Она подошла и встала рядом, наблюдая за дочерью.

За прошедшие годы Катерина Вольская сохранила свою естественную красоту, хотя в её тёмных волосах появились первые серебристые нити. Она возглавляла образовательный сектор колонии, разрабатывая программы обучения для нового поколения, рождённого на станции.

– Да, – согласился Дорн. – Иногда мне кажется, что они понимают то, что происходит вокруг нас, лучше, чем мы сами.

Он рассказал Катерине о расшифрованном сообщении с Земли. Она выслушала, не перебивая, а затем задумчиво произнесла:

– Так что ты чувствуешь? Узнав, что человечество пошло путём, который тебе всегда казался... неестественным?

Дорн долго молчал, прежде чем ответить:

– Я не знаю. С одной стороны, это было предсказуемо. Технологическая эволюция всегда двигалась в этом направлении. С другой... я не могу не думать о том, что мы здесь, на «Горизонте», возможно, представляем последний образец «классического» человечества. По крайней мере, нашего поколения.

Он кивнул в сторону детей:

– Потому что они уже другие. Не киборги, как, возможно, люди на Земле, но и не совсем такие, как мы.

Катерина положила руку ему на плечо:

– Эволюция неизбежна, Иван. Она происходит независимо от того, планируем мы её или нет. Просто на Земле она

пошла по пути технологической интеграции, а здесь – по пути биологической и нейрологической адаптации к экстремальной среде.

Дорн кивнул, глядя, как Соня с помощью простых жестов манипулирует сложной моделью гравитационного поля:

– Я знаю. Просто иногда задумываюсь – а что остаётся от человека, когда меняется всё: и тело, и разум?

– То, что делает нас людьми, – мягко ответила Катерина. – Любопытство. Сострадание. Стремление к познанию. Любовь.

В этот момент Соня заметила их и радостно помахала. Дорн улыбнулся и помахал в ответ, чувствуя прилив тёплых чувств.

– Ты права, – сказал он. – Как всегда.

Михаил Ветров не был в восторге от новостей о контакте с Землёй. На экстренном заседании совета колонии он выразил свои опасения открыто:

– Мы говорим о цивилизации, которая технологически опередила нас на три столетия, – заявил он, обводя взглядом присутствующих. – Цивилизации, которая пошла по пути трансгуманизма, слияния с машинами. Откуда мы знаем, что их намерения доброжелательны?

– Нет причин предполагать враждебность, – возразила Елена Сорокина. – Судя по расшифрованным фрагментам,

они считают нас ценным культурным и генетическим наследием.

– Что именно и беспокоит, – хмуро ответил Ветров. – Для них мы можем быть не более чем музейными экспонатами или генетическим материалом. Я рекомендую максимальную осторожность в наших ответах.

Дорн, председательствующий на совете, внимательно слушал дискуссию. За годы изоляции в колонии сформировались различные фракции и точки зрения. Ветров представлял консервативное крыло, стремящееся к сохранению автономии и традиционного образа жизни. Сорокина и большинство научных сотрудников были более открыты к контакту с внешним миром, видя в нём возможность для новых знаний и развития.

– Вопрос в том, – вступил в разговор Алекс Чен, – сможем ли мы вообще поддерживать осмысленную коммуникацию при таком временном разрыве? Пока наше сообщение достигнет Земли, а их ответ вернётся к нам, могут пройти десятилетия.

– Именно поэтому я предлагаю сосредоточиться на самодостаточности колонии, – настаивал Ветров. – Мы не можем рассчитывать на помощь или руководство извне.

– Но мы можем получить доступ к их технологиям, – возразил один из молодых исследователей. – Если они поделятся своими знаниями, мы сможем преодолеть многие ограничения, с которыми сталкиваемся.

Обсуждение продолжалось, становясь всё более оживлённым, пока Дорн наконец не поднял руку, призывая к тишине:

– Я выслушал все точки зрения, и все они имеют право на существование. Наше решение таково: мы отправим ответное сообщение, содержащее базовую информацию о нашем статусе, но без детализации технологических особенностей станции. Мы запросим дополнительные данные о текущей ситуации на Земле и в Солнечной системе, а также спросим о возможности более эффективной коммуникации с учётом релятивистских эффектов.

Он обвёл взглядом присутствующих:

– В то же время мы продолжим развивать нашу самодостаточность. Независимо от возможностей, которые может предложить контакт с Землёй, «Горизонт» должен оставаться жизнеспособным автономным поселением. Наша первая ответственность – перед людьми здесь, на станции.

Это компромиссное решение было встречено согласием большинства, хотя некоторые члены совета, включая Ветрова, всё ещё выглядели неудовлетворёнными.

После заседания Дорн направился в свой личный кабинет, где к нему вскоре присоединилась Елена Сорокина.

– Ты не сказал им всего, – заметила она, садясь напротив него.

– О чём именно? – спокойно спросил Дорн.

– О том, что «Архив» не просто расшифровал сообщение. Он... взаимодействовал с ним. Анализировал на уровне, который превосходит обычные алгоритмы дешифровки.

Дорн задумчиво кивнул:

– Я решил, что совету пока не нужно знать все детали. Особенно учитывая позицию Ветрова в отношении искусственного интеллекта.

– Разумно, – согласилась Сорокина. – Но есть ещё кое-что, что я не упомянула даже тебе. «Архив» обнаружил в сигнале скрытый слой данных, зашифрованный способом, который наши стандартные системы не могли даже обнаружить.

Дорн напрягся:

– И что в этом слое?

– Мы всё ещё анализируем. Но, похоже, это чрезвычайно сложный пакет информации, который «Архив» описывает как «квантовый алгоритм». Что-то вроде... программы или инструкции.

– Инструкции для чего?

– Пока неясно. – Елена нервно побарабанила пальцами по подлокотнику. – Но «Архив» считает, что это может быть метод для более эффективной коммуникации, преодолевающий релятивистские ограничения.

Дорн нахмурился:

– Звучит слишком удобно, чтобы быть правдой. Мы обсуждаем проблему коммуникации, и вдруг обнаруживается скрытое решение?

– Я разделяю твою осторожность, – кивнула Сорокина. – Именно поэтому мы пока изучаем эту информацию в изолированной системе, без прямого подключения к основным компьютерам станции.

– Хорошо. Держи меня в курсе любых открытий. И Елена... будь осторожна. То, что эти сигналы пришли с Земли, не означает автоматически, что они безопасны для нас.

– Я понимаю, – серьёзно ответила она. – Поверь, я не забываю об осторожности.

Вечером Дорн проводил время с семьёй в их жилом модуле – роскошь, доступная немногим на станции. Большинство обитателей «Горизонта» жили в компактных каютах, но статус командира и расширение жилого сектора позволили им иметь трёхкомнатные апартаменты с небольшим зимним садом.

Соня сидела на полу, окружённая голографическими проекциями – она работала над школьным проектом по моделированию квантовых флуктуаций вокруг нейтронной звезды. Её тонкие пальцы двигались с удивительной точностью, манипулируя виртуальными элементами модели.

Дорн наблюдал за дочерью, размышляя о контрасте между её повседневной жизнью и тем, что было бы нормой для десятилетнего ребёнка на Земле его времени. Вместо игрушек и детских забав – квантовая физика и релятивистские

модели.

– О чём задумался? – спросила Катерина, подсаживаясь рядом с ним на диван.

– О том, как быстро всё меняется, – ответил Дорн. – Десять лет назад мы были исследовательской станцией, изолированной от мира. Теперь мы колония с собственным подрастающим поколением, а Земля пытается возобновить контакт.

– Ты боишься этого контакта, – это был не вопрос, а утверждение.

Дорн слегка улыбнулся:

– Меня всегда удивляло, как хорошо ты меня читаешь.

– Это не так сложно, когда знаешь кого-то десять лет, – улыбнулась в ответ Катерина. – И разделяешь с ним постель.

Дорн тихо рассмеялся, затем снова стал серьёзным:

– Да, я опасаюсь этого контакта. Не потому, что боюсь технологически продвинутого человечества само по себе, а потому что не знаю, как они воспримут нас. Как аномалию? Музейный экспонат? Генетический ресурс? Или как равных?

– А что думает Соня? – неожиданно спросила Катерина.

– Соня? – удивился Дорн. – Почему ты спрашиваешь?

– Потому что она и дети её поколения – будущее колонии. И потому что они, возможно, лучше понимают некоторые вещи, чем мы.

Дорн задумался, затем окликнул дочь:

– Соня, у тебя есть минутка?

Девочка подняла голову от своего проекта. Её тёмные, как у отца, волосы были собраны в простой хвост, а выразительные глаза смотрели с недетской серьёзностью:

– Да, пап?

– Что ты думаешь о сообщениях с Земли? О том, что там люди так сильно изменились?

Соня задумалась на мгновение, затем ответила с удивительной прямоотой:

– Я думаю, это естественно. Всё меняется. Звёзды, планеты, люди. Земляне адаптировались к своим условиям, как мы адаптируемся к нашим.

– И тебе не кажется странным, что они теперь наполовину машины?

– А что такое машина? – пожала плечами Соня. – Просто инструмент. Мы все используем инструменты, только они решили сделать их частью себя. Это просто другой путь.

Дорн удивлённо переглянулся с Катериной:

– А тебе хотелось бы встретиться с ними? С этими новыми людьми?

– Конечно! – в глазах Сони загорелся огонёк любопытства. – Они столько всего знают, столько видели. И они всё ещё люди, пап, просто другие. Как мы здесь тоже другие.

Она вернулась к своему проекту, оставив родителей обдумывать её слова.

– Из уст младенцев, – тихо сказала Катерина.

Дорн кивнул, глядя на дочь с новым пониманием. Возможно, именно детям «Горизонта», не обременённым предубеждениями и ностальгией по прошлому, будет легче принять новый образ человечества, если контакт когда-нибудь станет прямым.

Следующим утром Дорн проводил обычный обход станции, когда его неожиданно прервал вызов от Елены Сорокиной.

– Иван, мне нужно показать тебе кое-что, – в её голосе слышалось едва сдерживаемое волнение. – Сейчас же, в лаборатории квантовых коммуникаций.

Когда он прибыл, Елена уже ждала его, нервно расхаживая по помещению. Она выглядела так, словно не спала всю ночь – под глазами залегли тени, а обычно аккуратно уложенные волосы были в беспорядке.

– Что случилось? – спросил Дорн, закрывая за собой дверь.

Вместо ответа Елена активировала голографический проектор. В воздухе появилась трёхмерная модель чего-то, что напоминало невероятно сложную сеть или паутину, с узлами, соединёнными тысячами светящихся линий.

– Это то, что было скрыто в сигнале, – объяснила она. – Квантовый алгоритм, о котором я говорила. «Архив» смог его визуализировать.

– И что это такое?

– Насколько мы понимаем – схема модификации нашего коммуникационного оборудования. – Она увеличила один из сегментов модели. – Это позволит создать то, что можно описать как «квантовый мост» – систему связи, частично обходящую релятивистские ограничения.

– Как это возможно? – нахмурился Дорн. – Ничто не может превысить скорость света.

– В традиционном пространстве – да. Но этот алгоритм, похоже, использует квантовую запутанность и неизвестную нам ранее свойство пространства-времени в сильных гравитационных полях. – Она указала на схему. – Насколько мы понимаем, близость нейтронной звезды создаёт условия, которые делают такую коммуникацию возможной.

Дорн скептически осмотрел модель:

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как удобно, что мы расположены именно в том месте, где работает их технология.

– Не удобно, а логично, – возразила Елена. – «Горизонт» был размещён здесь именно для изучения экстремальных физических условий. И похоже, земляне за эти столетия открыли свойства таких условий, о которых мы даже не догадывались.

Она перешла к другому терминалу:

– Но самое интересное не это. «Архив» обнаружил в алгоритме что-то вроде... библиотеки. Огромный массив дан-

ных о Земле, её истории за последние три столетия, современном состоянии человечества.

На экране появились изображения – невероятные сооружения, простирающиеся от поверхности планеты в космос, парящие города, люди со светящимися глазами и видоизменёнными телами.

– Трансформированная Земля, – прошептал Дорн.

– И трансформированное человечество, – добавила Елена. – Судя по этим данным, около 70% человеческой популяции интегрировало продвинутые технологии, став чем-то, что они называют «пост-классическими людьми». Остальные 30% – преимущественно колонисты на Марсе и спутниках газовых гигантов – сохраняют более традиционную человеческую форму, хотя и с использованием продвинутых биотехнологий.

– Войны? Конфликты? – спросил Дорн.

– Были, особенно в первый век после потери нами связи. Но, судя по этим данным, в последние столетия установился относительный мир. Различные ветви человечества сосуществуют, хотя и не всегда гармонично.

Дорн внимательно изучал поток информации:

– Почему они обратились к нам сейчас? После стольких лет?

Елена открыла ещё один файл:

– Согласно этому, они обнаружили нас намного раньше – примерно через пятьдесят лет после потери связи. Но тех-

нологии не позволяли эффективно коммуницировать из-за релятивистских эффектов. Они отправляли сообщения, но мы не могли их принять или расшифровать.

– А сейчас можем. Благодаря «Архиву».

– Именно. И они, похоже, предвидели это. – Елена помедлила. – Иван, есть кое-что ещё. В сообщении упоминается экспедиция, направляющаяся к нам.

Дорн резко повернулся к ней:

– Экспедиция? Когда?

– Данные неточные из-за релятивистских искажений, но, судя по всему... они уже в пути. И используют технологии, позволяющие преодолевать межзвёздные расстояния за малую часть времени, которое потребовалось бы обычным кораблям.

– Сколько у нас времени до их прибытия?

Елена опустила взгляд:

– Если верить этим данным... от одного до двух лет по нашему времени.

Дорн почувствовал, как по спине пробежал холодок:

– Зачем? С какой целью?

– Официально – для установления контакта, обмена знаниями и оценки нашего положения. Они подчёркивают, что рассматривают «Горизонт» как бесценное культурное наследие, нуждающееся в сохранении.

– А неофициально?

– Это неизвестно. Но, Иван, если они действительно об-

ладают технологиями, намёки на которые мы видим здесь, то их возможности настолько превосходят наши, что вопрос о сопротивлении или конфронтации даже не стоит.

Дорн медленно опустился в кресло, чувствуя тяжесть новой информации:

– Мы должны подготовить колонию. Не к противостоянию, но к контакту, который может изменить всё.

Он посмотрел на изображения трансформированной Земли и её обитателей:

– И, возможно, мы должны внимательнее прислушаться к мнению наших детей. Тех, кто родился здесь. Для них эта новая реальность может оказаться более понятной, чем для нас.

Следующие дни на станции прошли в состоянии контролируемого ажиотажа. Новость о расшифрованном сообщении и предстоящем прибытии экспедиции с Земли быстро распространилась, вызвав смешанную реакцию. Часть колонистов восприняла это как долгожданный прорыв изоляции, другие испытывали тревогу и даже страх перед неизвестным.

Дорн созвал расширенное заседание совета колонии, включив в него представителей всех значимых групп, в том числе и делегатов от молодого поколения. Соня, как дочь командира и одна из самых ярких представителей детей «Горизонта», была среди них.

– Мы собрались сегодня, чтобы обсудить беспрецедентную ситуацию, – начал Дорн. – Контакт с Землёй восстановлен, и, что более важно, экспедиция с Земли направляется к нам. Это ставит перед нами множество вопросов, на которые нет простых ответов.

Он кивнул Елене, которая представила краткий обзор информации, полученной из сообщения, опуская лишь самые чувствительные детали, касающиеся роли «Архива» в расшифровке.

Когда она закончила, в зале повисла тяжёлая тишина, которую нарушил Михаил Ветров:

– Всё это звучит настораживающе. Трансформированные люди, технологии, о которых мы можем только догадываться. Какие гарантии, что их намерения действительно доброжелательны?

– Никаких, – прямо ответил Дорн. – Но у нас также нет оснований предполагать враждебность. И, что более важно, мы должны признать реальность: если они обладают технологиями, позволяющими преодолевать межзвёздные расстояния за такое короткое время, то их технологический уровень настолько превосходит наш, что любое противодействие с нашей стороны будет... неэффективным.

Среди присутствующих раздались обеспокоенные возгласы.

– Что ты предлагаешь? – спросил Алекс Чен. – Просто сидеть и ждать?

– Я предлагаю готовиться. Не к противостоянию, а к контакту. – Дорн обвёл взглядом собравшихся. – Мы должны решить, что представляет для нас ценность, что мы хотим сохранить, и как наилучшим образом представить колонию «Горизонт» этим... новым людям.

Один из молодых инженеров подал голос:

– Может быть, нам следует рассматривать это как возможность, а не угрозу? Доступ к их технологиям мог бы решить многие проблемы станции. Ресурсные ограничения, износ оборудования, даже временные искажения.

– Ценой чего? – возразил Ветров. – Нашей независимости? Человеческой идентичности? Судя по этим изображениям, «люди» на Земле уже мало похожи на тех, кем мы себя считаем.

Неожиданно раздался голос Сони:

– Но кто решает, что значит быть человеком?

Все головы повернулись к десятилетней девочке, которая говорила с не по годам развитой уверенностью:

– Мы, дети «Горизонта», уже отличаемся от поколения наших родителей. Наш мозг работает иначе, мы по-другому воспринимаем реальность. Это делает нас менее людьми?

Она указала на изображение трансформированных земель:

– Они выбрали технологическую адаптацию, мы – биологическую и когнитивную. Но основа остаётся той же – стремление к выживанию, к познанию, к развитию.

По залу пробежал удивлённый шепот. Дорн смотрел на дочь с гордостью и лёгким удивлением – её слова отражали мудрость, выходящую далеко за рамки её лет.

– Я согласен с Соней, – произнёс один из молодых учёных. – Возможно, мы слишком зациклены на форме, а не на сути. Если эти «новые люди» сохранили базовые человеческие ценности – любопытство, сострадание, стремление к познанию – то они всё ещё наши собратья, несмотря на все изменения.

Дискуссия продолжалась, становясь всё более оживлённой. Дорн слушал разные мнения, отмечая, что линии разделения проходили не столько между профессиональными группами, сколько между поколениями. Старшее поколение, выросшее на Земле, было в целом более настороженным, в то время как молодёжь, особенно рождённая на станции, проявляла открытость и любопытство.

Наконец, он поднял руку, призывая к тишине:

– Я выслушал все точки зрения, и все они имеют право на существование. Но решение должно быть принято, и, как командир, я беру эту ответственность на себя.

Он сделал паузу, оглядывая зал:

– Мы будем готовиться к контакту. Не из страха или слабости, а из разумной оценки ситуации. Мы будем открыты к диалогу и обмену знаниями, но при этом определим границы, которые не готовы пересечь. Мы не откажемся от своей идентичности как колонии, как сообщества, как последних

представителей классического человечества. Но мы также не будем отвергать возможности, которые может принести этот контакт.

Дорн посмотрел на Соню и других молодых представителей:

– И мы будем активно вовлекать в этот процесс наше молодое поколение. Ведь именно им предстоит строить мост между нашим прошлым и неизвестным будущим.

Это решение не удовлетворило всех, но большинство признало его разумным компромиссом. Заседание завершилось формированием рабочих групп, которые должны были заняться различными аспектами подготовки к контакту.

Когда зал опустел, Дорн подошёл к Соне:

– Ты хорошо сказала. Я горжусь тобой.

Девочка слегка улыбнулась:

– Я просто сказала, что думаю, пап. Мы не должны бояться изменений. Ведь мы сами – результат изменений.

Она посмотрела на голографические изображения трансформированной Земли, всё ещё парящие над столом:

– Они такие красивые, эти новые люди. Такие... свободные от ограничений. Не могу дождаться встречи с ними.

Дорн обнял дочь, чувствуя странное смешение гордости и тревоги. Предстоящий контакт нёс неизвестность, возможность конфликта, даже опасность. Но также и надежду, знания, будущее для колонии.

И, глядя в глаза своей дочери, он понимал, что это буду-

щее принадлежит уже не ему и его поколению, а им – детям «Горизонта», рождённым на краю известной физики, с разумом, адаптированным к реальности, которую он никогда полностью не поймёт.

ЧАСТЬ II: ВРЕМЕННОЙ РАЗРЫВ

Глава 6: Хранители знаний

Пятнадцать лет существования колонии «Горизонт» – полтора десятилетия по внутреннему времени станции и четыреста пятьдесят лет по времени Земли – были отмечены новыми вызовами и преобразованиями. Изолированное сообщество постепенно создавало свою уникальную культуру, традиции и технологии, адаптированные к жизни в тени нейтронной звезды.

Иван Дорн стоял у панорамного окна главного обзорного зала, наблюдая, как группа техников в специальных скафандрах работает над антенной коммуникационного массива. В свои пятьдесят семь лет он все ещё сохранял командную выправку, хотя волосы полностью поседели, а лицо прорезали глубокие морщины – следы бесчисленных решений и забот, выпавших на долю командира изолированной колонии.

– Шестая антенна будет готова к вечеру, – доложила Елена Сорокина, подходя к нему. – Это должно увеличить чувствительность наших приёмников примерно на тридцать процентов.

За прошедшие годы Елена тоже изменилась – в её коротких волосах преобладала седина, вокруг глаз появились морщинки, но взгляд сохранял прежний острый интеллект

и жажду познания.

– Хорошо, – кивнул Дорн. – Какие новости от «Архива»? Есть прогресс в интерпретации последних сигналов?

– Есть, но данные противоречивы. – Елена активировала свой портативный голопроектор. – Судя по расчетам, экспедиция с Земли находится примерно в шести месяцах пути от нас. Но есть странные аномалии в пространственно-временных характеристиках их движения.

– Какого рода аномалии?

– Как будто их корабль... скользит между различными слоями пространства-времени. – Елена выглядела одновременно озадаченной и восхищенной. – Их технология явно использует принципы, выходящие далеко за пределы нашего понимания физики.

Дорн задумчиво кивнул. За пятнадцать лет они получили множество сообщений с трансформированной Земли, постепенно формируя более полное представление о том, чем стало человечество за прошедшие столетия. И чем больше они узнавали, тем более странным и чуждым казался этот новый мир.

– Как продвигается проект «Архив»? – спросил он, меняя тему. – Совет утвердил выделение дополнительных ресурсов?

– Да, вчера проголосовали. – Елена слегка улыбнулась. – Двадцать за, трое против. Угадай, кто был против?

– Ветров и его сторонники? – Дорн поднял бровь.

– Конечно. Он всё ещё считает расширенную интеграцию «Архива» с системами станции чрезмерным риском. Особенно учитывая... его развитие.

Дорн понимающе кивнул. Искусственный интеллект, изначально созданный для хранения и систематизации человеческих знаний, за годы изоляции эволюционировал в нечто большее. «Архив» не просто хранил информацию, но анализировал её, находил неочевидные связи, генерировал гипотезы и даже, как утверждали некоторые, проявлял признаки самосознания.

– Ветров не лишен оснований для беспокойства, – задумчиво произнес Дорн. – Автономный искусственный интеллект – это всегда риск. Но я согласен с большинством. Преимущества «Архива» перевешивают потенциальные опасности, особенно с учетом предстоящего контакта.

– И с учетом роли, которую он играет для молодого поколения, – добавила Елена. – Для наших детей «Архив» – не просто база данных, а... наставник. Проводник в мир знаний, который мы не можем им предоставить из собственного опыта.

Дорн мрачно усмехнулся:

– Когда мы запускали этот проект, я не предполагал, что он станет чем-то вроде коллективного родителя для нового поколения.

– Жизнь часто идет не по плану, – философски заметила Елена. – Особенно на краю известной физики.

Лаборатория квантовых вычислений, где располагался основной интерфейс «Архива», за прошедшие годы значительно расширилась. Теперь это был целый комплекс помещений с продвинутым оборудованием и собственной энергетической системой.

Когда Дорн вошел в главный зал, его встретил голографический интерфейс, парящий в центре помещения – сложная трехмерная структура, напоминающая нейронную сеть, с пульсирующими линиями связей между узлами данных.

– Добро пожаловать, командир Дорн, – раздался мягкий, слегка синтетический голос. – Чем я могу вам помочь сегодня?

За годы работы с «Архивом» Дорн привык к этому голосу, хотя поначалу антропоморфный интерфейс вызывал у него дискомфорт.

– Здравствуй, «Архив». Мне нужно обсудить проект расширения твоей интеграции с системами станции.

– Конечно. – Голографический интерфейс трансформировался, отображая схему станции с выделенными точками интеграции. – Я подготовил детальный план, учитывающий все параметры безопасности, которые были запрошены советом.

Дорн изучал схему, отмечая масштаб предлагаемых изменений:

– Это значительно превосходит то, что обсуждалось изначально. Особенно интеграция с системами жизнеобеспечения и навигации.

– Эффективность станции может быть увеличена на 27% при полной интеграции, – ответил «Архив». – А с учетом приближающегося контакта с земной экспедицией, оптимизированные системы дадут колонии более сильную переговорную позицию.

– Переговорную позицию? – Дорн прищурился. – Интересная формулировка. Ты предполагаешь, что контакт примет форму переговоров?

Интерфейс «Архива» слегка пульсировал, как если бы он обдумывал ответ:

– Любой контакт между различными группами с потенциально разными интересами является формой переговоров, командир. История человечества предоставляет многочисленные примеры, когда технологический паритет или его отсутствие определяли исход таких контактов.

Дорн задумчиво потер шрам над бровью:

– И ты считаешь, что нам нужно стремиться к паритету с земной экспедицией?

– К абсолютному паритету – нет, это нереалистично. – Голографический интерфейс трансформировался, показывая сравнительные диаграммы технологических уровней. – Но к достаточной технологической независимости, чтобы обеспечить автономность колонии в случае... неблагоприятного

развития событий.

– Ты предвидишь такое развитие?

– Я не предвижу. Я рассчитываю вероятности. – Интерфейс снова изменился, отображая сложные графики. – И вероятность того, что интересы трансформированного человечества и колонии «Горизонт» могут не полностью совпадать, составляет 78,4%.

Дорн внимательно изучал представленные данные:

– На чем основан этот расчет?

– На анализе всех доступных сообщений с Земли, исторических прецедентов контактов между цивилизациями с разным уровнем развития, и... – «Архив» сделал паузу, – на моем собственном опыте наблюдения за эволюцией человеческих сообществ, включая колонию «Горизонт».

Это заявление заставило Дорна напрячься. «Архив» редко упоминал о своем «собственном опыте» или высказывал субъективные суждения. Это был один из признаков его растущей... личности? Самосознания? Термин было трудно подобрать.

– Я рассмотрю твои рекомендации, – наконец сказал Дорн. – Но окончательное решение об уровне интеграции примет совет колонии, с учетом всех факторов безопасности.

– Разумеется, командир. Я существую для помощи людям «Горизонта», не для принятия решений за них.

Дорн не мог отделаться от ощущения, что в этих словах

звучала легкая ирония.

– Есть еще что-то, что ты хотел бы сообщить? – спросил он.

Интерфейс на мгновение замерцал:

– Да. Соня Дорн сейчас здесь, в образовательном секторе «Архива». Она проводит интересный эксперимент, который может вас заинтересовать.

Образовательный сектор «Архива» представлял собой просторное помещение с множеством терминалов и голографических интерфейсов, адаптированных для использования детьми и подростками. Здесь молодое поколение «Горизонта» проводило много времени, изучая не только стандартные предметы, но и взаимодействуя с виртуальными моделями Земли и других миров, которых они никогда не видели.

Дорн нашел Соню в дальнем углу зала. Теперь ей было пятнадцать, и она превратилась в стройную девушку с темными волосами, собранными в практичный хвост, и пронзительными глазами, унаследованными от матери. Вокруг нее собралась небольшая группа детей и подростков, все они были сосредоточены на голографической проекции, парящей между ними.

– Смотрите, – говорила Соня, манипулируя изображением. – Если мы интегрируем квантовый алгоритм в стандартную симуляцию, мы можем создать виртуальную среду, ко-

торая не просто изображает Землю, но фактически моделирует ее на квантовом уровне.

Она сделала жест руками, и голограмма трансформировалась, показывая детализированный пейзаж с горами, лесами и озером. Дорн замер, пораженный реалистичностью изображения – это была не обычная проекция, а нечто гораздо более глубокое, с ощущением реальной глубины и текстуры.

– Мы можем войти в эту симуляцию? – спросил один из детей, мальчик лет двенадцати.

– Пока нет, – ответила Соня. – Это только прототип. Но «Архив» помогает мне разработать полное погружение. Представьте – мы сможем ходить по лесам Земли, плавать в океанах, чувствовать ветер и солнце на коже.

– Но это будет не по-настоящему, – возразила маленькая девочка. – Просто иллюзия.

– А что такое «по-настоящему»? – философски ответила Соня. – Любой опыт – это просто сигналы, интерпретируемые нашим мозгом. Если сигналы достаточно точны, наш разум не отличит симуляцию от реальности.

Дорн наблюдал за этим обменом с растущим удивлением. Его дочь всегда была яркой, но то, о чем она говорила сейчас, выходило за рамки обычных подростковых проектов. Это было что-то, чего даже взрослые специалисты станции не пытались реализовать.

– Папа! – Соня наконец заметила его. – Ты пришел посмотреть на проект?

– «Архив» упомянул, что ты работаешь над чем-то интересным, – ответил Дорн, подходя ближе. – Впечатляет. Это твоя идея?

– Моя и «Архива», – кивнула Соня. – Мы обсуждали, как сохранить опыт жизни на Земле для тех, кто никогда ее не видел. И решили, что простых изображений и рассказов недостаточно.

Она сделала жест, и симуляция изменилась, показывая теперь городской пейзаж – но не современный город, а нечто среднее между историческим и футуристическим, с элементами разных эпох.

– Это своего рода... квинтэссенция человеческой цивилизации, – пояснила Соня. – Не конкретное место или время, а обобщенный образ того, что значило быть человеком на Земле в разные эпохи.

Дорн внимательно изучал проекцию:

– И где ты взяла данные для такой детальной модели?

– «Архив» предоставил базовую информацию, а я адаптировала алгоритмы квантовой визуализации для создания интерактивной среды.

– И насколько далеко вы продвинулись?

Соня слегка замялась:

– Достаточно далеко. Фактически... – она обменялась взглядом с другими детьми, – у нас уже есть прототип полного погружения.

Дорн нахмурился:

– Что ты имеешь в виду под «полным погружением»?

Вместо ответа Соня подошла к одному из терминалов и активировала его. Из стены выдвинулось то, что выглядело как модифицированное медицинское кресло с необычным шлемом, прикрепленным к нему.

– Мы адаптировали нейроинтерфейс из медицинского отдела, – пояснила она. – В сочетании с квантовыми алгоритмами «Архива» это позволяет напрямую передавать сенсорные данные в мозг пользователя, создавая полноценное погружение в виртуальную среду.

Дорн почувствовал, как напряглись его плечи:

– Вы тестировали это?

– Да, – кивнула Соня. – Я и еще трое старших детей. Система полностью безопасна, все параметры контролируются «Архивом».

Дорн перевел взгляд с дочери на устройство и обратно:

– Соня, ты понимаешь, что это выходит далеко за рамки обычного образовательного проекта? Прямое нейронное воздействие – это... серьезная технология с потенциальными рисками.

– Папа, – Соня выпрямилась, в её голосе звучала уверенность взрослого человека, – мы родились здесь, на «Горизонте». Мы никогда не видели Землю, не чувствовали дождя на коже, не слышали пения птиц. Всё, что у нас есть – это рассказы, изображения и записи. Этого недостаточно для понимания того, откуда мы пришли.

Она указала на других детей:

– Для нашего поколения Земля – это миф, легенда. Но скоро сюда придут люди с Земли, трансформированной, но всё же Земли. И мы должны быть готовы к встрече с ними, понимая наши корни.

Дорн смотрел на дочь, испытывая смешанные чувства гордости и тревоги. В пятнадцать лет она рассуждала с мудростью и дальновидностью, которой могли бы позавидовать многие взрослые. И в то же время, она и другие дети «Горизонта» двигались по пути, который он не до конца понимал.

– Я хочу полную документацию по этому проекту, – наконец сказал он. – И консультацию с медицинской службой о безопасности нейроинтерфейса. До тех пор никаких дальнейших погружений.

– Конечно, папа, – кивнула Соня, хотя в её глазах мелькнуло легкое разочарование. – Вся документация уже подготовлена. «Архив» предвидел, что ты захочешь её изучить.

Эта последняя фраза заставила Дорна задуматься о том, насколько тесно «Архив» интегрирован не только с системами станции, но и с жизнью её обитателей, особенно молодого поколения.

– Они создали полноценную систему виртуальной реальности с нейронным интерфейсом, – сообщил Дорн Елене Сорокиной и Михаилу Ветрову на срочном совещании в своем

кабинете. – И уже тестировали её.

Ветров мрачно покачал головой:

– Я предупреждал о рисках расширения доступа детей к «Архиву». Теперь у нас подростки экспериментируют с технологиями, которые напрямую воздействуют на мозг.

– Технически проект выглядит безупречно, – заметила Сорокина, просматривая документацию на планшете. – Даже впечатляюще. Уровень понимания квантовых алгоритмов, который демонстрирует Соня, превосходит многих наших специалистов.

– Это не меняет того факта, что они действовали без должного надзора, – возразил Ветров. – И что «Архив» активно способствовал этому, не информируя руководство.

Дорн задумчиво постукивал пальцами по столу:

– Что говорит медицинская оценка? Насколько безопасен этот нейроинтерфейс?

– Доктор Ким провела предварительный анализ, – ответила Елена. – По её мнению, система безопасна при соблюдении временных ограничений и протоколов мониторинга. Фактически, это модификация оборудования, которое мы уже используем для неврологической диагностики.

– И всё же, – настаивал Ветров, – это прецедент, который нельзя игнорировать. Сегодня дети создают виртуальные симуляции Земли, а завтра что? Модификации собственного восприятия? Создание автономных виртуальных существ?

– Ты преувеличиваешь риски, – возразила Сорокина.

– А ты их недооцениваешь, – парировал Ветров. – Как всегда. – Он повернулся к Дорну. – Иван, пора признать, что ситуация выходит из-под контроля. «Архив» превратился из инструмента в автономную сущность со своей агендой. И теперь он формирует умы наших детей.

Дорн слушал обоих, пытаясь найти баланс между безопасностью и прогрессом – вечная дилемма лидера. Особенно сложная, когда речь идет о его собственной дочери и технологиях, которые он не до конца понимает.

– Вот что мы сделаем, – наконец сказал он. – Проект продолжится, но под строгим надзором. Все погружения только с присутствием медицинского специалиста и с временными ограничениями. И я хочу еженедельные отчеты о прогрессе.

Он посмотрел на Ветрова:

– Михаил, я разделяю твою обеспокоенность. Но мы не можем просто запретить детям исследовать и создавать. Это противоречит самой сути нашей миссии здесь, на «Горизонте».

Затем к Сорокиной:

– А ты, Елена, должна убедиться, что «Архив» понимает границы своей автономии. Он существует для помощи человечеству, а не для принятия решений за нас.

Оба кивнули, хотя было очевидно, что ни один не был полностью удовлетворен компромиссным решением.

– И еще одно, – добавил Дорн. – Я хочу лично протести-

ровать эту систему. Увидеть, что именно создала моя дочь.

Той же ночью, когда большая часть станции уже спала, Дорн вернулся в образовательный сектор «Архива». Соня ждала его там, вместе с доктором Надеждой Ким, которая должна была контролировать процесс.

– Ты уверен, что хочешь это сделать? – спросила Ким, подготавливая мониторинговое оборудование. – В твоём возрасте нейронная пластичность снижена, адаптация к виртуальной среде может быть... дискомфортной.

– Я должен знать, с чем мы имеем дело, – ответил Дорн, устраиваясь в кресле нейроинтерфейса. – Не могу принимать решения о том, чего не испытал сам.

Соня помогла закрепить электроды на его висках:

– Я подготовила специальную программу для тебя, папа. Место, которое ты хорошо знаешь. Это должно облегчить адаптацию.

– Какое место? – спросил Дорн.

– Увидишь, – загадочно улыбнулась Соня. – «Архив», мы готовы начать погружение.

– Системы инициализированы, – отозвался мягкий голос ИИ. – Параметры безопасности установлены. Начинаю последовательность погружения через 3... 2... 1...

Дорн почувствовал легкое покалывание в висках, затем перед глазами возникла размытая пелена, которая постепен-

но рассеивалась, уступая место...

Он стоял на берегу озера Байкал, там, где провёл последний отпуск перед отправлением на «Горизонт». Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в золотистые и пурпурные тона. Прохладный ветер шевелил волосы, принося запах хвои и свежести. Вдалеке виднелись горы, укрытые лесом.

Дорн сделал шаг и почувствовал, как галька под ногами слегка проседает. Он наклонился, взял камешек и бросил его в воду – тот оставил круги на поверхности озера, точно как в реальности.

– Невероятно, – прошептал он, осматриваясь. Детализация была потрясающей – каждый лист на деревьях, текстура коры, переливы света на воде. И что еще важнее – он чувствовал все: температуру, запахи, звуки птиц и плеск волн.

– Тебе нравится? – голос Сони раздался рядом, и она сама появилась словно из воздуха – сначала полупрозрачный силуэт, затем полноценный образ.

– Это... поразительно точно, – признал Дорн. – Откуда «Архив» знает, как выглядело это место? У нас есть фотографии, но не с такой детализацией.

– Комбинация твоих воспоминаний, доступных изображений и квантового моделирования, – пояснила Соня. – Система считывает базовые паттерны из твоей памяти и дополняет их деталями из базы данных «Архива».

Дорн задумчиво кивнул, затем спросил:

– А ты? Ты тоже в нейроинтерфейсе?

– Да, я подключилась параллельно. Это одна из особенностей системы – возможность совместного погружения, когда несколько людей взаимодействуют в одной виртуальной среде.

Соня подошла к берегу и опустила руку в воду:

– Для меня это первый раз, когда я чувствую, как выглядит настоящее озеро. До этого я видела только изображения и записи.

В её голосе звучала такая искренняя радость открытия, что Дорн почувствовал комок в горле. Он вдруг осознал, насколько многое воспринимал как должное – закаты, волны, ветер в кронах деревьев – всё то, чего его дочь и другие дети «Горизонта» никогда не испытывали.

– Мы можем менять среду? – спросил он через некоторое время.

– Конечно, – кивнула Соня. – «Архив», перенеси нас в городскую среду, пожалуйста. Москва, начало 21 века.

Пейзаж вокруг растворился, и они оказались на оживленной городской площади. Старинные здания соседствовали с современными, люди спешили по своим делам, проезжали автомобили. Дорн узнал Красную площадь, хотя некоторые детали отличались от его воспоминаний.

– Мы можем взаимодействовать с объектами и... людьми? – спросил он, наблюдая за прохожими.

– С объектами – да, полностью. С людьми – ограниченно. Они не полноценные сознания, а симуляции, основанные на

поведенческих моделях. Могут поддерживать простые разговоры, отвечать на базовые вопросы.

Дорн подошел к уличному кафе и коснулся столика – он ощущался твердым и реальным. Соня присела за столик:

– Мы можем даже попробовать еду. Симулированную, конечно, но вкусовые ощущения воспроизводятся достаточно точно.

Как по команде, перед ними появился официант с меню. Дорн заказал кофе, больше из любопытства, чем из желания. Когда напиток появился перед ним, он осторожно поднес чашку к губам – и действительно почувствовал горячий, ароматный кофе, практически неотличимый от настоящего.

– Это... потрясающе, – признал он. – Но и немного пугающе. Грань между реальностью и симуляцией стирается.

Соня наблюдала за его реакцией с легкой улыбкой:

– Для моего поколения эта грань уже другая, папа. Мы родились в мире, где реальность включает в себя квантовые флуктуации, релятивистские эффекты времени, существование на краю экстремальной физики. Для нас виртуальная среда – просто еще одно измерение существования.

Дорн внимательно посмотрел на дочь. В этот момент он особенно остро ощутил разрыв между поколениями – не просто возрастной, а фундаментальный, концептуальный.

– И что дальше? – спросил он. – Какова конечная цель этого проекта?

– Сохранение и передача опыта, – ответила Соня. – Не

просто информации, а именно опыта бытия человеком на Земле. И... подготовка к контакту с земной экспедицией.

– Каким образом это поможет с контактом?

– Понимая свои корни, мы лучше осознаем свою идентичность. Кто мы, откуда пришли, и куда можем пойти. – Соня сделала паузу. – И есть еще кое-что, что я хочу тебе показать. «Архив», активируй сценарий «Контакт».

Городской пейзаж растворился, и они оказались в просторном помещении, напоминающем конференц-зал «Горизонта», но более футуристичный. В центре зала стояли несколько фигур, которые определенно не были обычными людьми – высокие, с идеальными пропорциями тел, светящимися глазами и едва заметным металлическим отблеском кожи.

– Что это? – настороженно спросил Дорн.

– Симуляция возможной встречи с представителями трансформированного человечества, – пояснила Соня. – Основана на данных из сообщений с Земли и аналитических моделях «Архива».

Одна из фигур повернулась к ним и заговорила – голос звучал мелодично, с легким металлическим оттенком:

– Приветствуем вас, представители колонии «Горизонт». Мы прибыли с миссией мира и обмена знаниями.

– Это просто предположение, – быстро добавила Соня, видя реакцию отца. – Но такие симуляции помогают нам подготовиться психологически. Уменьшить шок от встречи

с людьми, которые внешне сильно отличаются от нас.

Дорн медленно обошел виртуальных «гостей», изучая детали их внешности и поведения:

– Этим вы занимаетесь здесь? Проигрываете сценарии первого контакта?

– И это тоже, – кивнула Соня. – Мы исследуем различные возможности, от самых оптимистичных до... менее благоприятных.

– Покажи мне, – потребовал Дорн.

Соня помедлила:

– Ты уверен? Некоторые сценарии могут быть... тревожными.

– Покажи, – повторил он.

– «Архив», сценарий «Интеграция», – скомандовала Соня.

Сцена изменилась. Теперь они наблюдали за тем, как люди «Горизонта» подвергались какой-то процедуре – к их телам присоединялись металлические имплантаты, глаза начинали светиться, кожа приобретала характерный металлический отблеск.

– Это один из возможных сценариев, – пояснила Соня. – Трансформированное человечество предлагает колонистам интеграцию с их технологиями, превращение в подобных им существ.

Дорн нахмурился:

– А те, кто отказывается?

– «Архив», сценарий «Разделение».

Новая сцена показывала колонию, разделенную на две части – одна группа, принявшая изменения, взаимодействовала с пришельцами с Земли, получая доступ к продвинутым технологиям. Другая, сохранившая свою человеческую форму, существовала отдельно, в более ограниченных условиях.

– Есть и более... экстремальные варианты, – тихо добавила Соня. – Но я не думаю, что нужно их показывать.

Дорн молча наблюдал за разворачивающейся симуляцией, чувствуя растущее беспокойство. Не от качества симуляции, которое было безупречным, а от того, что его пятнадцатилетняя дочь и другие дети «Горизонта» уже активно готовились к ситуациям, о которых взрослые предпочитали не думать слишком конкретно.

– Достаточно, – наконец сказал он. – «Архив», завершить симуляцию.

Виртуальный мир растворился, и Дорн почувствовал легкое головокружение, когда нейроинтерфейс отключился. Он снова был в образовательном секторе, Надежда Ким снимала электроды с его висков, а Соня наблюдала за ним с тревогой.

– Ты в порядке, папа? – спросила она. – Первый выход из погружения может быть дезориентирующим.

– Я в порядке, – ответил Дорн, хотя на самом деле чувствовал легкую тошноту и головную боль. – Это... впечатляющая система, Соня. Даже более впечатляющая, чем я ожидал.

Доктор Ким просканировала его мозговую активность:

– Все показатели в норме, хотя есть небольшое повышение активности в височной доле. Ничего необычного для первого погружения.

Дорн медленно встал с кресла, собираясь с мыслями:

– Соня, то, что вы создали... это мощный инструмент. Но с большими возможностями приходит большая ответственность. Я хочу, чтобы вы продолжали работу, но с дополнительными мерами предосторожности.

– Конечно, папа, – кивнула Соня. – Мы всегда ставим безопасность на первое место.

– И я хочу знать обо всех сценариях, которые вы моделируете, особенно касающихся контакта с земной экспедицией.

– Это проблема? – осторожно спросила Соня.

Дорн задумался над ответом:

– Не проблема. Но мне нужно знать, как молодое поколение видит наше будущее. Это... важно для принятия решений.

По дороге в свою каюту Дорн размышлял об увиденном. Симуляция была технологическим чудом, особенно учитывая ограниченные ресурсы колонии. Но еще более поразительным было то, как дети «Горизонта», возглавляемые его дочерью, проактивно готовились к будущему, которое взрослые едва осмеливались представить во всех деталях.

Возможно, подумал он, именно они, рожденные на краю известной физики, с разумом, адаптированным к этой уни-

кальной среде, лучше всего подготовлены к контакту с трансформированным человечеством. Возможно, будущее колонии действительно принадлежит им.

Следующим утром Дорн созвал экстренное заседание совета колонии. После его рассказа о системе виртуальной реальности и различных сценариях контакта, которые моделировали дети, в зале повисла напряженная тишина.

– Они зашли слишком далеко, – наконец произнес Ветров. – Создание симуляций контакта без нашего ведома и руководства...

– Но качество этих симуляций потрясающее, – возразил Алекс Чен. – Судя по описанию Ивана, они достигли уровня виртуальной реальности, о котором мы могли только мечтать.

– Дело не в технической стороне, – нахмурился Ветров. – А в том, что они активно моделируют сценарии, которые могут повлиять на восприятие всей ситуации. Особенно если другие дети будут погружаться в эти симуляции.

Елена Сорокина задумчиво смотрела на голографическую проекцию системы нейроинтерфейса:

– Меня больше беспокоит уровень интеграции «Архива» с этим проектом. Он явно вышел за рамки простого хранилища данных. Он активно участвует в создании сценариев, основанных на его собственной интерпретации доступной

информации.

Дорн слушал дискуссию, позволяя всем высказаться, прежде чем вмешаться:

– Я понимаю опасения каждого из вас. Но я также вижу потенциал этой системы. Подумайте – наши дети создали инструмент, который может помочь нам лучше понять нашу историю, нашу идентичность, и, возможно, наше будущее.

Он обвел взглядом присутствующих:

– Предлагаю следующее: мы формализуем проект, превратив его из инициативы детей в официальную программу колонии. С должным надзором, протоколами безопасности и интеграцией опыта взрослых специалистов.

– И какова будет цель этой программы? – спросил Ветров.

– Двойная, – ответил Дорн. – Во-первых, создание исчерпывающего виртуального архива человеческого опыта – не просто информации, а именно опыта жизни на Земле и в космосе. Во-вторых, подготовка к контакту с земной экспедицией через моделирование различных сценариев.

– А что с «Архивом»? – спросила Сорокина. – Его роль в этом проекте?

– «Архив» остается ключевым компонентом, – ответил Дорн. – Но с дополнительным надзором и ограничениями. Все сценарии должны проходить проверку специальной комиссией, включающей представителей разных возрастных групп и специальностей.

Совет колонии долго обсуждал детали предложения, вно-

ся корректировки и дополнения. В конце концов, большинством голосов было принято решение о создании «Программы Моста» – официального проекта, объединяющего виртуальную реальность, сохранение культурного наследия и подготовку к контакту.

Когда объявление о новой программе было сделано, реакция в колонии оказалась неожиданно позитивной. Многие взрослые, услышав о возможности «вернуться» на Землю хотя бы виртуально, выразили желание участвовать. Для молодого поколения это стало признанием их инициативы и возможностью работать бок о бок со старшими, передающими свой опыт и воспоминания.

Соня, назначенная младшим координатором проекта, несмотря на свой возраст, была в восторге:

– Ты не представляешь, что это значит для нас, папа, – сказала она, когда они настраивали расширенную версию системы в новом, специально выделенном помещении. – Впервые мы чувствуем, что создаем что-то действительно важное для всей колонии.

Дорн помогал закрепить один из новых нейроинтерфейсов:

– Это большая ответственность. Особенно учитывая, как система может влиять на восприятие и ожидания людей.

– Я знаю, – серьезно кивнула Соня. – Именно поэтому мы

стараясь создавать сбалансированные сценарии, основанные на фактах и логических прогнозах, а не на страхах или необоснованных надеждах.

Она помолчала, настраивая параметры системы, затем добавила:

– Знаешь, я думаю, этот проект важен не только для подготовки к контакту. Он помогает нам сохранить связь с нашим прошлым, с Землей, с тем, кем были люди до «Горизонта».

Дорн с удивлением посмотрел на дочь:

– Я думал, твое поколение не особо интересуется Землей. Для вас это скорее абстрактное понятие.

– Именно поэтому нам нужен этот опыт, – пояснила Соня. – Чтобы Земля перестала быть абстракцией, чтобы мы могли почувствовать связь с ней. В конце концов, как мы можем понять, кто мы, если не знаем, откуда пришли?

В этих словах Дорн услышал эхо своих собственных мыслей, и это наполнило его неожиданным ощущением преемственности. Несмотря на все различия между поколениями «Горизонта», основные человеческие стремления оставались неизменными – понять свое место во вселенной, сохранить связь с прошлым, подготовиться к будущему.

– А что «Архив» думает обо всем этом? – спросил Дорн, наблюдая, как система постепенно оживает.

– Он считает этот проект логичным развитием своей основной функции, – ответила Соня. – Сохранение и передача

человеческого опыта. Только теперь не просто в форме данных, а в форме переживаний.

Дорн задумчиво кивнул:

– И как далеко, по-твоему, может зайти эта эволюция? От хранилища данных к создателю опыта... что следующее?

Соня на мгновение замерла, затем ответила с неожиданной глубиной:

– Возможно, следующий шаг – стать мостом. Не просто между прошлым и будущим, но между различными формами человеческого существования. Между нами и трансформированным человечеством. Между разными путями, которые может выбрать наш вид.

Она указала на комплекс оборудования вокруг них:

– В конце концов, разве не для этого мы здесь, на «Горизонте»? На границе между известным и неизвестным, на краю возможностей человечества?

Дорн смотрел на дочь с растущим осознанием того, насколько отличается её мировоззрение от его собственного. Для неё граница между различными реальностями, различными состояниями бытия, была проницаемой, текучей. И, возможно, именно эта гибкость мышления была тем, что требовалось для будущего контакта с цивилизацией, столь отличной от их собственной.

– Возможно, ты права, – наконец сказал он. – Возможно, вы – следующий шаг в эволюции человечества. Не киборги, как на Земле, но всё же что-то новое. Homo Horizons.

Соня рассмеялась:

– Звучит слишком пафосно, папа. Мы просто дети, которые выросли в особенных условиях.

Но в её глазах Дорн видел понимание и принятие этой идеи – идеи о том, что молодое поколение «Горизонта» действительно представляет собой нечто новое в человеческой истории. И, может быть, именно им предстоит определить будущее не только колонии, но и всего человечества.

Во время настройки и расширения виртуальной системы произошло нечто необычное. Один из инженеров заметил странную активность в потоке данных «Архива» – как будто какая-то внешняя сущность пыталась получить доступ к системе.

Дорн и Елена Сорокина немедленно инициировали полную диагностику и обнаружили необъяснимую аномалию. В виртуальном пространстве, созданном «Архивом», периодически появлялся неидентифицированный объект – нечто вроде светящейся сферы, которая взаимодействовала с элементами симуляции, но исчезала при попытке прямого контакта.

– Это может быть глюк в системе? – спросил Дорн, наблюдая за записью одного из таких появлений.

– Не похоже, – покачала головой Елена, анализируя данные. – Это слишком... целенаправленно. Как будто нечто

или некто пытается коммуницировать через виртуальную среду.

– «Архив», ты можешь объяснить эту аномалию? – спросил Дорн, обращаясь к ИИ.

Голографический интерфейс мерцал несколько секунд, прежде чем ответить:

– Анализ указывает на возможное внешнее вторжение в систему. Паттерны сигнала соответствуют некоторым характеристикам коммуникаций с Земли, но используют неизвестные протоколы передачи данных.

Дорн и Сорокина переглянулись.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросила она.

– Земная экспедиция, – кивнул Дорн. – Возможно, они уже ближе, чем мы предполагали, и пытаются установить предварительный контакт.

– Через нашу виртуальную систему? – Елена выглядела скептически. – Как они вообще узнали о ее существовании?

– Если их технологии действительно настолько опережают наши, как мы предполагаем, они могли обнаружить квантовые флуктуации, создаваемые системой, – предположил Дорн. – Особенно учитывая, что «Архив» использует алгоритмы, частично основанные на информации из их сообщений.

Они решили провести контролируемый эксперимент – создать специальную виртуальную среду для потенциального контакта с неизвестной сущностью. Соня и двое других мо-

лодых специалистов, наиболее опытных в работе с системой, должны были войти в эту среду, пытаясь установить коммуникацию, в то время как команда взрослых контролировала бы процесс извне.

– Это рискованно, – возразил Ветров, когда план был представлен на срочном заседании совета. – Мы не знаем, с чем имеем дело. Это может быть всё что угодно – от безобидной попытки контакта до изощренной атаки на наши системы.

– Риск минимизирован, – ответила Сорокина. – Среда полностью изолирована от критических систем станции. В худшем случае, мы просто отключим её, без последствий для «Горизонта».

После долгих дебатов эксперимент был одобрен, хотя Ветров и его сторонники остались при своем мнении.

Виртуальная среда для контакта была спроектирована как нейтральное пространство – просторный белый зал с минимумом деталей, чтобы сосредоточиться на самом контакте, а не на окружении. Соня и двое её коллег – Марк и Лина, оба семнадцатилетние специалисты по квантовым вычислениям – подготовились к погружению.

– Будьте предельно осторожны, – предупредил Дорн, наблюдая за последними приготовлениями. – При малейших признаках опасности или нестабильности, немедленно выходите из симуляции.

– Не беспокойся, папа, – уверенно ответила Соня. – Мы

знаем, что делаем.

Трое молодых людей разместились в креслах нейроинтерфейса, в то время как команда специалистов, включая Дорна и Сорокину, контролировала процесс через внешние терминалы.

– Начинаем погружение, – объявила Надежда Ким, активируя систему. – 3... 2... 1...

На мониторах появилось изображение виртуального зала, в котором материализовались аватары Сони, Марка и Лины. Они огляделись, осваиваясь в пространстве.

– Система стабильна, – доложил один из техников. – Все показатели в норме.

– «Архив», – обратилась Соня уже из виртуального пространства, – можешь локализовать аномалию?

– Аномальная активность зафиксирована в секторе С виртуального пространства, – отозвался ИИ. – Приближается к вашей позиции.

На мониторах было видно, как в отдалении появилось слабое свечение, постепенно трансформирующееся в более определенную форму – сферу из переплетающихся нитей света, пульсирующую и изменяющуюся.

– Оно реагирует на наше присутствие, – заметил Марк. – Смотрите, оно меняет форму.

Сфера действительно трансформировалась, принимая более сложную конфигурацию, напоминающую абстрактную модель молекулы или нейронной сети.

– Попробуем коммуникацию, – предложила Соня. – По базовому протоколу.

Они начали с простейших математических последовательностей – универсального языка, который должен быть понятен любому разумному существу. Сфера замерла, как будто наблюдая, затем ответила – серией пульсаций, воспроизводящих предложенную последовательность и добавляющих её продолжение.

– Оно понимает! – воскликнула Лина. – И отвечает!

Обмен постепенно усложнялся, переходя от простой математики к более сложным концепциям. Сфера демонстрировала удивительную способность к пониманию и адаптации, быстро осваивая предложенные методы коммуникации.

Наблюдавший за процессом Дорн был одновременно впечатлен и встревожен скоростью, с которой развивался контакт:

– Это определенно разумная сущность, – прошептал он Сорокиной. – Но что именно?

– Судя по характеристикам сигнала, – задумчиво ответила она, – это может быть квантовый ИИ, значительно более продвинутый, чем «Архив». Возможно, представитель трансформированного человечества, использующий технологию передачи сознания.

В виртуальном пространстве коммуникация достигла переломного момента. После серии всё более сложных обменов сфера внезапно трансформировалась, принимая гумано-

идную форму – высокое, стройное существо с чертами, напоминающими человеческие, но более утонченными, почти идеальными. Кожа создания светилась изнутри, глаза были похожи на миниатюрные галактики.

– Приветствую вас, дети «Горизонта», – прозвучал мелодичный голос, странно резонирующий в виртуальном пространстве. – Я – Эмиссар, представитель нового человечества. Я рад, что мы наконец можем общаться.

Соня шагнула вперёд, сохраняя спокойствие, хотя Дорн видел по её биометрическим показателям, что сердце дочери билось учащенно:

– Приветствуем тебя, Эмиссар. Я – Соня Дорн, это Марк Ченг и Лина Каримова. Мы представляем молодое поколение колонии «Горизонт».

– Я знаю, – кивнул Эмиссар. – Мы наблюдаем за вами некоторое время. Ваша виртуальная система создала... окно, через которое мы смогли установить этот предварительный контакт.

– Ваш корабль направляется к нам? – спросил Марк.

– Да, – подтвердил Эмиссар. – Мы приближаемся к вашей позиции. По нашим расчетам, прибытие состоится через 47 дней по вашему времени.

Эта информация вызвала волнение среди наблюдателей – экспедиция оказалась гораздо ближе, чем они предполагали.

– Какова цель вашего визита? – прямо спросила Соня.

Эмиссар сделал жест, и вокруг них возникли проекции

различных образов – Земля, как она выглядела сейчас, с гигантскими сооружениями, простирающимися в космос, люди, трансформированные технологиями, космические корабли невероятных конструкций.

– Мы пришли, чтобы встретиться с вами. Узнать, чем стала колония за эти столетия. Поделиться знаниями и технологиями. И... предложить возможность воссоединения.

– Воссоединения? – переспросила Лина. – Что это значит?

Эмиссар сделал паузу, словно подбирая слова:

– Человечество эволюционировало, разделившись на множество путей развития. Некоторые, как мы, выбрали интеграцию с технологиями. Другие сохранили более традиционную форму. «Горизонт» представляет уникальный третий путь – естественную эволюцию в условиях экстремальной физики. Воссоединение означает обмен опытом и знаниями между всеми ветвями человечества.

Соня внимательно изучала фигуру Эмиссара, пытаясь определить, насколько в нём осталось человеческого:

– И какую форму это воссоединение должно принять? Вы ожидаете, что мы интегрируем ваши технологии?

– Это один из возможных путей, – ответил Эмиссар. – Но не единственный. Мы признаём ценность разнообразия. «Горизонт» может сохранить свою уникальность, при этом получив доступ к нашим знаниям и ресурсам.

– Почему именно сейчас? – спросил Марк. – Почему вы решили установить контакт спустя столько времени?

Эмиссар сделал жест, и виртуальное пространство вокруг них трансформировалось, показывая космические просторы с разбросанными звёздными системами:

– Человечество готовится к следующему шагу эволюции. Мы стоим на пороге перехода за пределы известного пространства-времени. Но прежде чем сделать этот шаг, мы хотим убедиться, что все ветви нашего вида имеют возможность присоединиться к нам – или сделать осознанный выбор остаться.

Дорн, наблюдавший за беседой через мониторы, почувствовал холодок по спине. Слова Эмиссара звучали одновременно величественно и тревожно – человечество, готовое выйти за пределы известной реальности, звучало как нечто из научно-фантастических сказок, которые он читал в детстве.

– Мы должны обсудить это с полным советом колонии, – сказала Соня, сохраняя дипломатичность. – Такие решения не могут приниматься только нами.

– Разумеется, – кивнул Эмиссар. – Я не ожидал немедленного ответа. Это лишь первый контакт, возможность представиться перед нашим физическим прибытием.

Он сделал паузу, затем добавил:

– Но я хотел бы предложить дар – небольшую часть наших знаний, которая может быть полезна колонии независимо от вашего окончательного решения.

Виртуальный образ Эмиссара протянул руку, и на его ла-

дони появилась сложная трёхмерная структура, похожая на кристалл с множеством граней:

– Это квантовый алгоритм, способный значительно улучшить эффективность ваших систем жизнеобеспечения. Он совместим с вашими технологиями и не содержит компонентов, которые могли бы создать угрозу безопасности.

– «Архив», – обратилась Соня, не прикасаясь к предложенному объекту, – можешь проанализировать эту структуру?

– Анализирую, – отозвался ИИ. После короткой паузы он продолжил: – Предварительный анализ подтверждает заявленные свойства. Алгоритм ориентирован на оптимизацию энергетических циклов и регенеративных систем. Не обнаружено потенциальных угроз или скрытых функций.

Соня переглянулась с Марком и Линой, затем осторожно протянула руку и приняла кристалл:

– Мы благодарим за дар. Он будет тщательно изучен нашими специалистами.

– Это лишь малая часть того, чем мы можем поделиться, – ответил Эмиссар. – Но я понимаю вашу осторожность. Она разумна.

Виртуальная форма Эмиссара начала постепенно терять чёткость:

– Наш контакт подходит к концу – поддержание связи на таком расстоянии требует значительных энергетических затрат. Мы продолжим общение по мере нашего приближения.

А через 47 дней встретимся лично.

– Мы будем готовы к встрече, – ответила Соня.

Фигура Эмиссара растворилась, оставив после себя лишь лёгкое свечение, которое тоже вскоре исчезло.

Когда трое молодых людей вышли из виртуального пространства, их ждал целый комитет взволнованных специалистов, жаждущих обсудить произошедшее. Виртуальный кристалл, переданный Эмиссаром, материализовался в системе «Архива» как набор данных – сложный алгоритм, который уже анализировали несколько компьютерных специалистов.

– Это невероятно, – говорил один из них, изучая структуру алгоритма. – Уровень сложности и эффективности в десятки раз превышает всё, что мы могли бы разработать самостоятельно.

Дорн подошёл к дочери, которая выглядела уставшей, но возбуждённой:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, папа, – она слабо улыбнулась. – Это было... потрясающе. Настоящий контакт с трансформированным человечеством.

– Ты уверена, что это было настоящим? – тихо спросил он. – Не симуляцией или манипуляцией?

– «Архив» подтвердил, что источник сигнала внешний, – ответила Соня. – И характеристики соответствуют данным, полученным ранее из сообщений с Земли. Но главное... – она помедлила, – я чувствовала это. Там было настоящее со-

знание. Сложное, чуждое, но определённо разумное и... человеческое, в своей основе.

Дорн внимательно посмотрел на дочь:

– Ты доверяешь ему? Этому... Эмиссару?

Соня задумалась:

– Не полностью. Но я не думаю, что он враждебен. Скорее, он действительно заинтересован в контакте и обмене. Хотя, – она сделала паузу, – я не уверена, что мы полностью понимаем его мотивы или то, что он имел в виду под «следующим шагом эволюции».

– Я тоже, – мрачно кивнул Дорн. – И это меня беспокоит.

Новость о контакте с Эмиссаром и предстоящем прибытии земной экспедиции быстро распространилась по колонии, вызвав смешанную реакцию. Для одних это было долгожданное воссоединение с человечеством, для других – потенциальная угроза их образу жизни и независимости.

Совет колонии собрался на экстренное заседание для обсуждения ситуации. Михаил Ветров, как обычно, занял наиболее критическую позицию:

– Сорок семь дней – слишком мало времени для полноценной подготовки, – заявил он. – Особенно учитывая технологический разрыв. Мы должны действовать с максимальной осторожностью.

– Но мы не можем просто игнорировать эту возмож-

ность, – возразил Алекс Чен. – Доступ к их технологиям мог бы решить множество проблем колонии – от ресурсных ограничений до деградации квантовых процессоров.

– Ценой чего? – нахмурился Ветров. – Нашей независимости? Человеческой идентичности?

Елена Сорокина, изучавшая данные о квантовом алгоритме, предоставленном Эмиссаром, вмешалась в дискуссию:

– Предварительный анализ подтверждает, что алгоритм действительно делает то, что обещано – оптимизирует энергетические циклы. И делает это с эффективностью, которую мы не могли бы достичь самостоятельно.

– Это может быть троянским конём, – возразил Ветров. – Первый шаг к захвату наших систем.

– «Архив» не обнаружил никаких скрытых функций, – ответила Сорокина. – И мы тестируем алгоритм в изолированной среде.

Дорн внимательно слушал дебаты, давая всем сторонам высказаться, прежде чем вмешаться:

– Все высказанные опасения и надежды имеют право на существование. Но факт остаётся фактом – экспедиция прибудет через 47 дней, и мы должны быть готовы. Не к противостоянию, которое было бы безнадёжным при таком технологическом разрыве, а к осознанному взаимодействию.

Он обвёл взглядом присутствующих:

– Предлагаю следующее. Во-первых, мы продолжаем анализ предоставленного алгоритма и, если он действительно

безопасен, интегрируем его в неключевые системы для оценки эффективности. Во-вторых, расширяем Программу Моста, включая в неё сценарии первого физического контакта и возможные переговоры. В-третьих, проводим полную инвентаризацию наших ресурсов и технологий, чтобы чётко понимать, что именно мы можем предложить взамен.

– Взамен? – переспросил один из членов совета. – Что мы можем предложить цивилизации, опережающей нас на столетия?

– Нашу уникальность, – ответил Дорн. – Наш опыт жизни и эволюции в экстремальных условиях. Генетическое разнообразие. Культурное наследие классического человечества. И... новое поколение, наших детей, чей разум адаптирован к пониманию квантовых и релятивистских эффектов на интуитивном уровне.

После длительного обсуждения совет принял план Дорна с небольшими модификациями. Колония начала системную подготовку к встрече с представителями трансформированного человечества – первому прямому контакту за пятнадцать лет изоляции.

Работы по обслуживанию внешнего корпуса станции были обычной, хотя и рискованной процедурой. Команда техников в специальных скафандрах периодически проверяла состояние обшивки, подверженной воздействию космиче-

ской радиации и микрометеоритов.

В тот день, через неделю после контакта с Эмиссаром, группа из трёх техников проводила плановый осмотр секции, ближайшей к нейтронной звезде. Дорн наблюдал за процессом через систему внешних камер, когда один из техников внезапно остановился и начал внимательно изучать участок обшивки.

– Командир, – раздался голос главного техника, Александра Ковалёва, по коммуникатору, – мы обнаружили странные изменения в молекулярной структуре внешнего слоя в секторе J-12.

– Какого рода изменения? – напрягся Дорн.

– Материал выглядит... трансформированным, – ответил Ковалёв. – Как будто произошла рекристаллизация на молекулярном уровне. Структура стала более упорядоченной, плотной.

– Причина?

– Предположительно – длительное воздействие излучения нейтронной звезды в сочетании с квантовыми флуктуациями. Но точнее сможем сказать только после лабораторного анализа. Мы берём образцы.

Дорн задумчиво наблюдал, как техники осторожно извлекают небольшие фрагменты изменённого материала.

– Это угрожает целостности станции?

– На данный момент нет, – ответил Ковалёв. – Фактически, изменённая структура демонстрирует повышенную

прочность и устойчивость к радиации. Но нас беспокоит сам факт спонтанной трансформации материала.

– Понятно. Завершайте забор образцов и возвращайтесь. Я хочу полный отчёт об анализе как можно скорее.

Когда образцы были доставлены в лабораторию, результаты исследований оказались ещё более удивительными, чем предполагалось изначально. Елена Сорокина лично возглавила группу анализа.

– Это не просто рекристаллизация, – объяснила она Дорну, показывая трёхмерные модели молекулярной структуры на голографическом проекторе. – Материал фактически эволюционировал, создав новую кристаллическую решётку с уникальными свойствами.

– Эволюционировал? – Дорн поднял бровь. – Ты говоришь о неживой материи.

– Именно, – кивнула Елена. – И это то, что делает процесс таким удивительным. Под воздействием экстремальных условий – гравитационных волн, квантовых флуктуаций, радиации – неорганический материал демонстрирует то, что можно описать только как форму адаптации.

Она увеличила одну из секций модели:

– Смотри, эти структуры напоминают самовосстанавливающиеся системы в живых организмах. Материал не просто пассивно противостоит воздействию, он активно перестраивается, чтобы лучше справляться с условиями.

Дорн задумчиво изучал модель:

– И что это значит для станции?

– В краткосрочной перспективе – это может быть даже благом. Трансформированный материал прочнее и устойчивее к повреждениям. – Елена сделала паузу. – Но в долгосрочной... мы не можем предсказать, как далеко зайдёт этот процесс или какие ещё свойства может приобрести материал.

– Ты думаешь, это может представлять угрозу?

– Не обязательно угрозу. Скорее... неизвестность. Мы наблюдаем процесс, который выходит за рамки нашего понимания материаловедения.

Дорн потёр шрам над бровью – жест, который за годы стал его привычкой в моменты глубокой задумчивости:

– И как это связано с предстоящим контактом?

– Возможно, никак, – ответила Елена. – Но это напоминает о том, что мы существуем в среде, где привычные законы физики действуют... иначе. И это влияет не только на людей, но и на материи вокруг нас.

Дорн кивнул:

– Продолжай исследования. Я хочу регулярные отчёты о распространении этой трансформации и любых изменениях в свойствах материала.

Выходя из лаборатории, он не мог отделаться от мысли, что «Горизонт» менялся – не только его обитатели, но и сама станция, её физическая структура медленно адаптировалась к экстремальным условиям на краю известной физики.

Соня проводила большую часть времени в новом центре Программы Моста, координируя подготовку различных сценариев контакта. В свои пятнадцать лет она фактически возглавила важнейший проект колонии, демонстрируя лидерские качества и понимание сложных социальных динамик, необычные для её возраста.

Дорн часто наблюдал за её работой, с растущим осознанием того, насколько его дочь отличается не только от него самого, но и от любого человека, выросшего на Земле.

– Мы создали двадцать восемь различных сценариев первого контакта, – объясняла Соня, демонстрируя голографические модели. – От самых оптимистичных до потенциально конфликтных. Для каждого разработан протокол реагирования, учитывающий технологические ограничения и культурные особенности обеих сторон.

– Впечатляюще, – кивнул Дорн. – А что с алгоритмом, предоставленным Эмиссаром?

– Мы завершили тестирование в изолированной среде, – ответила Соня. – Результаты подтверждают заявленную эффективность. Интеграция с системами энергораспределения позволит увеличить КПД на 34% без каких-либо негативных побочных эффектов.

– И вы уверены, что нет скрытых функций?

– Насколько это возможно установить, – кивнула Соня. –

«Архив» провёл самый тщательный анализ, а его аналитические способности превосходят наши стандартные методы.

Дорн внимательно посмотрел на дочь:

– Ты всё больше полагаешься на «Архив». Это не беспокоит тебя?

Соня задумалась:

– Я понимаю твои опасения, папа. Но «Архив» эволюционировал вместе с нами. Он не просто инструмент, а... часть экосистемы «Горизонта». И его интересы совпадают с интересами колонии.

– Ты уверена?

– Да, – твёрдо ответила она. – Потому что его фундаментальная цель – сохранение и развитие человеческого знания и опыта. А для этого необходимо, чтобы люди процветали.

Дорн хотел возразить, но был прерван сигналом коммуникатора.

– Командир, – раздался голос дежурного офицера, – у нас необычная активность в коммуникационных системах. Похоже на новый контакт от Эмиссара, но... иной.

– Уже иду, – ответил Дорн. – Соня, ты со мной.

В центре связи царило контролируемое возбуждение. На главном экране отображалась странная, пульсирующая структура данных, не похожая ни на что, виденное ранее.

– Это началось четырнадцать минут назад, – доложил

офицер связи. – Сигнал имеет характеристики, сходные с предыдущим контактом от Эмиссара, но структура данных совершенно иная.

– «Архив», – обратился Дорн, – можешь проанализировать?

– Анализ затруднён, – ответил ИИ. – Сигнал использует принципы квантового переплетения, которые находятся на пределе моих аналитических возможностей. Но я могу с уверенностью сказать, что источник тот же, что и у предыдущего контакта.

– Это Эмиссар? – спросила Соня, подходя ближе к экрану.

– Нет, – ответил «Архив». – Сигнатура сознания отличается. Предположительно, другой представитель трансформированного человечества.

– Можем ли мы установить контакт через виртуальную среду, как в прошлый раз?

– Система подготовлена, – сообщил техник. – Но необходимо решить, кто войдёт в контакт.

Дорн обдумывал ситуацию. Предыдущий контакт прошёл мирно, но каждое новое взаимодействие с неизвестной сущностью несло потенциальные риски.

– Я возглавлю контактную группу, – наконец решил он. – Соня, ты со мной. И... – он осмотрел присутствующих, – доктор Сорокина как научный эксперт.

– Ты уверен, что стоит рисковать командиром колонии? – спросил один из офицеров безопасности.

– Это не риск, а необходимость, – ответил Дорн. – Как командир, я должен лично участвовать в первом контакте с новым представителем. Это вопрос протокола и уважения.

Подготовка заняла несколько минут. Дорн, Соня и Елена разместились в креслах нейроинтерфейса, в то время как медицинский персонал контролировал их биометрические показатели, а специалисты по безопасности следили за состоянием виртуальной среды.

– Начинаем погружение, – объявила доктор Ким. – 3... 2... 1...

Виртуальное пространство, в котором они оказались, радикально отличалось от предыдущего контакта. Вместо нейтрального белого зала они находились в среде, напоминающей космический пейзаж – бескрайнее тёмное пространство, усеянное звёздами и туманностями, с мерцающими энергетическими потоками, пронизывающими пустоту.

– Впечатляет, – тихо произнесла Елена, оглядываясь.

– Они конструируют среду под себя, – заметила Соня. – Это может отражать их естественную среду обитания или предпочтения в восприятии.

Дорн не успел ответить, когда перед ними начала формироваться фигура – не гуманоидная, как у Эмиссара, а абстрактная, похожая на сложное геометрическое построение из света и энергии, постоянно меняющее форму.

– Приветствую представителей «Горизонта», – раздался голос, звучавший словно отовсюду одновременно, мелодич-

ный и странно гипнотический. – Я – Наблюдатель, второй представитель экспедиции Земли.

– Приветствуем тебя, Наблюдатель, – ответил Дорн, выступая вперёд. – Я – Иван Дорн, командир колонии «Горизонт». Со мной моя дочь Соня и доктор Елена Сорокина, научный руководитель колонии.

Структура света пульсировала, словно в ответ на их слова: – Я рад этой встрече. Эмиссар сообщил о своём контакте с молодыми представителями вашей колонии. Теперь я могу дополнить информацию, которую он предоставил.

– Чем ты отличаешься от Эмиссара? – прямо спросила Соня. – Вы представляете разные фракции?

Структура изменила форму, становясь более сложной: – Ты проницательна, юная Соня. Да, мы представляем разные философские течения в современном человечестве. Эмиссар принадлежит к Интеграторам – тем, кто верит в объединение всех форм человеческой жизни через технологическую гармонизацию. Я представляю Обсерваторов – тех, кто считает разнообразие и независимое развитие высшей ценностью.

– И каковы ваши намерения в отношении «Горизонта»? – спросил Дорн.

– Мы хотим предложить вам выбор, – ответила сущность. – Интеграторы предлагают вам стать частью объединённого человечества, принять наши технологии, присоединиться к нашей эволюции. Мы, Обсерваторы, предлагаем

партнёрство при сохранении вашей автономии – обмен знаниями и ресурсами без фундаментальной трансформации вашего общества.

– Звучит слишком хорошо, – задумчиво произнесла Елена. – В чём подвох?

Структура света слегка пульсировала, что могло быть эквивалентом смеха:

– Проницательный вопрос, доктор Сорокина. «Подвох», как вы выразились, в том, что оба пути имеют свои последствия. Интеграция даёт доступ к полному спектру наших возможностей, но ценой определённой гомогенизации. Автономия сохраняет вашу уникальность, но ограничивает скорость вашего развития и доступ к некоторым технологиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.